

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Филологический факультет

Кафедра английской филологии и перевода

ЛЯНГАСОВА Наталья Андреевна

**ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ И
ПЕРЕВОДЧЕСКИЙ ИНВАРИАНТ
(АНГЛИЙСКИЙ И РУССКИЙ ЯЗЫК)**

Магистерская диссертация

Научный руководитель

к. ф. н., доц. Пилатова В. Н.

Санкт-Петербург

2017 год

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	4
Глава 1. Теоретические основы исследования.....	7
1.1. Основные теории правильности перевода.....	7
1.1.1. Эквивалентный перевод.....	8
1.1.2. Адекватный перевод.....	12
1.1.3. Теория «скопоса».....	15
1.1.4. Гармоничный перевод.....	19
1.2. Общее и вариативное в языке.....	22
1.2.1. Вариативность средств выражения.....	22
1.2.2. Понятие «инвариант».....	25
1.2.3. Инвариант перевода.....	29
Выводы.....	35
Глава 2. Практическое исследование вариативности и инвариантности переводов.....	37
2.1. Логико-семантическое соответствие при переводе.....	38
2.1.1. Перевод с английского языка на русский	38
2.1.2. Перевод с русского языка на английский.....	43
2.2. Грамматическое соответствие при переводе.....	45
2.2.1. Перевод с английского языка на русский	45
2.2.2. Перевод с русского языка на английский	47

2.3. Прагматическое соответствие при переводе.....	49
2.3.1. Перевод с английского языка на русский	49
2.3.2. Перевод с русского языка на английский	51
2.4. Стилистическое соответствие при переводе.....	53
2.4.1. Перевод с английского языка на русский	53
2.4.2. Перевод с русского языка на английский.....	56
2.5. Культурологическое соответствие при переводе.....	58
2.5.1. Перевод с английского языка на русский	58
2.5.2. Перевод с русского языка на английский.....	61
Выводы.....	66
Заключение.....	68
Список использованной литературы.....	70
Список словарей.....	76
Список источников примеров.....	77
Список сокращений.....	77

Введение

Данная выпускная квалификационная работа посвящена проблематике вариативности/инвариантности в переводе. Речь идет об англоязычных и русскоязычных художественных произведениях и поиске инвариантной и вариативной составляющих в текстах их переводов на русский и английский языки соответственно.

Обращение к проблеме инварианта перевода представляется **актуальным**, поскольку исследование этого явления входит в круг задач современного переводоведения и представляет интерес, как с теоретической, так и с практической точки зрения.

Теоретическую основу настоящего исследования составили труды многих видных лингвистов и переводчиков, как отечественных (И. С. Алексеева, Л. С. Бархударов, Т. В. Жеребило, И. М. Кобозева, Н. В. Комиссаров, Т. А. Казакова, Л. В. Кушникова, Г. Л. Пермяков, Н. В. Перцов, А. А. Реформатский, А. Д. Швейцер), так и зарубежных (Л. Венути, Г. Вермеер, Дж. Кэтфорд, Ю. Найда, К. Райс, Э. Пим, П. Сабалбеаскоа, Г. Тури, Ф. Фарахзад, Р. Хартман, К. Шеффнер).

Новизна данного исследования определяется тем, что в работе с позиций когнитивной лингвистики осуществляется рассмотрение на предмет инвариантной составляющей стилистически маркированных, образных фрагментов текста, которые представляют собой сложность при переводе и демонстрируют высокую степень вариативности в текстах разных переводчиков.

Теоретическая значимость работы заключается в том, что результаты проведенного исследования являются еще одним шагом в изучении инварианта перевода художественного текста. Материалы исследования могут быть использованы на лекциях и семинарах по введению в переводоведение, художественному переводу, стилистике и лексикологии, что обеспечивает **практическую значимость** работы.

Объектом настоящего исследования являются фрагменты художественного текста, содержащие образное описание.

В качестве **предмета** данного исследования выступают общая и вариативная составляющие в текстах переводов.

Цель настоящего исследования – доказать, что в текстах переводов логико-семантическая структура одинакова, а ее средства выражения варьируются. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи**:

1. Дать определение понятию «инвариант» в переводоведении.
2. Определить единицу анализа.
3. Из текста оригиналов произвести выборку фрагментов, содержащих образное описание.
4. Соотнести варианты перевода с оригиналами.
5. Осуществить сравнительно-сопоставительный анализ фрагментов перевода.
6. Определить объем логико-семантического соответствия при переводе.
7. Определить объем грамматического соответствия при переводе.
8. Определить объем прагматического соответствия при переводе.
9. Определить объем стилистического соответствия при переводе.
10. Определить объем культурологического соответствия при переводе.
11. Выявить инвариант и вариативную составляющую перевода.

Для достижения поставленных задач в работе используются следующие **методы** исследования: метод сравнительно-сопоставительного, лексико-семантического и лексико-грамматического анализа, когнитивный метод, метод функционального и прагматического анализа, а также элементы компонентного анализа.

Материалом для исследования послужили 254 фрагмента художественных произведений, содержащие образное описание и

отобранные методом целенаправленной выборки из романов на английском и русском языках и их переводов общим объемом 4623 печатные страницы.

Структура. Работа состоит из введения, двух глав, к которым прилагаются выводы, заключения, списка использованной литературы, содержащего 72 наименования (из них 23 на иностранных языках), списка словарей, списка источников примеров, а также списка сокращений.

Первая глава содержит изложение вопросов, являющихся теоретической базой исследования.

Во **второй главе** проводится анализ собранного материала, выборка и анализ фрагментов художественных произведений, содержащих образное описание, и выявление инвариантной и вариативной составляющих в текстах переводов.

Заключение содержит суммарные выводы по работе.

Глава 1. Теоретические основы исследования

1.1. Основные теории правильности перевода

Оценка качества перевода неотделима от самой сути этого явления – как **в теории перевода**, так и **в ходе практической деятельности** переводчиков, редакторов, преподавателей переводческих курсов и других специалистов, работающих в этой сфере. Хотя бы для того, чтобы дать определение понятию «перевод» и провести границу между тем, что является переводом, а что – нет, необходима определенная стратегия оценки перевода.

В самом общем смысле *перевод* – это передача информации, содержащейся в данном речевом произведении, средствами другого языка (Ахманова 1966: 304; Жеребило 2010: 257; Voase-Beier 2011: 18), причем основным условием осуществления перевода является **сохранение неизменного плана содержания**, т. е. значения (Бархударов 2010: 11; Комиссаров 1973: 19; Venuti 2004: 78).

Однако по ряду причин, а именно вследствие различий между системами ИЯ и ПЯ, определенных особенностей создания текстов на каждом из языков, а также условий и целей осуществления перевода в конкретной ситуации, сохранение неизменного плана содержания может быть лишь **относительным**, т. е. часть значений текста оригинала теряется в процессе перевода (Бархударов 2010: 11; Казакова 2001: эл. ресурс). В связи с этим качество перевода определяется в первую очередь тем, насколько переводчику удастся избежать потерь.

В переводоведении существует большое количество **теорий и моделей перевода**, описывающих перевод как вид (процесс и/или результат) языкового посредничества (Швейцер 1988: 11) и зачастую содержащих определенные рекомендации для переводчиков. В нижеследующих параграфах (1.1.1.-1.1.4.) мы приведем ряд наиболее известных и значимых, с нашей точки зрения, теорий, связанных с понятиями *эквивалентности*, *адекватности*, *«скопоса»* и *гармонии*.

1.1.1. Эквивалентный перевод

Одним из основных понятий, связанных с оценкой качества перевода, является *переводческая эквивалентность* – реально достигнутая в процессе перевода смысловая близость текстов на ИЯ и ПЯ в сравнении с потенциально достижимой общностью содержания, которую допускают данные языки (Комиссаров 2013: 51; Казакова 2001: эл. ресурс).

В связи с неизбежной потерей части исходного значения В. Н. Комиссаров выделяет пять типов эквивалентности в зависимости от того, какая часть содержания оригинала сохраняется в переводе:

1. *Цель коммуникации*. Для этого типа эквивалентности характерна наименьшая общность содержания, несопоставимость лексического состава и синтаксической организации текстов ИЯ и ПЯ, поскольку главная цель переводчика – произвести на рецептора текста перевода коммуникативный эффект, сходный с эффектом оригинала на носителей ИЯ (*That's a pretty thing to say – Постыдился бы!*).

2. *Идентификация ситуации*, где под *ситуацией* понимается совокупность объектов и связей между ними, описываемая в высказывании. В этом типе одна и та же экстралингвистическая ситуация описывается разными способами (*He answered the telephone – Он снял трубку*).

3. *Способ описания ситуации*. Данный тип предполагает сохранение в тексте на ПЯ понятий, с помощью которых происходит описание внеязыковой ситуации в тексте на ИЯ (*London saw a cold winter last year – В прошлом году зима в Лондоне была холодной*).

4. *Синтаксическая структура*. Этот тип эквивалентности характеризуется максимально возможной передачей значений синтаксических структур оригинала, а также значительным параллелизмом лексического состава (*He was never tired of old songs – Старые песни ему никогда не надоедали*).

5. *Лексический состав*. В данном типе достигается максимальная степень близости содержания текстов на ИЯ и ПЯ, параллелизм лексического

состава и структурной организации и общность отдельных сем, входящих в значения соотнесенных слов (*I saw him at the theatre – Я видел его в театре*) (Комиссаров 2013: 52-54, 58, 61-62, 70, 72-73, 78-79).

Данная классификация организована наподобие матрешки: начиная с первого, каждый следующий тип эквивалентности подразумевает наличие характеристик предыдущего, из чего можно заключить, что, по мнению В. Н. Комиссарова, сохранение в переводе **цели коммуникации** оригинала является базовым условием достижения переводческой эквивалентности.

А. Д. Швейцер связывает эквивалентность с понятием *инварианта* – элемента значения, который неизбежно сохраняется, если между текстами оригинала и перевода можно установить отношение эквивалентности. При этом автор считает наиболее существенным для всех уровней и видов эквивалентности инвариантным признаком соответствие **коммуникативной интенции** первичного отправителя **коммуникативному эффекту** конечного текста (Швейцер 1988: 94-95).

У Г. Йегера мы находим понятие *коммуникативной эквивалентности*, подразумевающее такое отношение между тестами на ИЯ и ПЯ, когда они способны вызвать одинаковый **коммуникативный эффект**, т. е. «при переходе от оригинала к конечному тексту сохраняется или остается инвариантной изначальная коммуникативная ценность текста» (Швейцер 1988: 79).

Признавая, что в ИЯ и ПЯ не существует абсолютных эквивалентов, известный американский языковед и переводчик Библии Юджин Найда выдвигает теорию *динамической эквивалентности* в противопоставлении эквивалентности формальной:

1. В случае *формальной эквивалентности* упор делается на самом сообщении, его форме и содержании, с целью достичь максимальной близости сообщения на ИЯ и ПЯ. Самым ярким примером этого типа является *подстрочный перевод* (буквальный, или дословный перевод с

сохранением членения текста на фразы, например, передача поэзии прозой) (Жеребило 2010: 193).

2. *Динамическая (прагматическая) эквивалентность* основана на «принципе **эквивалентного эффекта**», т. е. отношение между сообщением на ПЯ и его рецепторами должно максимально воспроизводить отношение между текстом оригинала и носителями ИЯ. При этом переводчик стремится сделать форму выражения переводного сообщения как можно более естественной для целевой аудитории, используя понятия, принадлежащие культурной парадигме ПЯ (Nida 2000: 129).

Между этими двумя типами эквивалентности существуют также промежуточные варианты, соответствующие применимым стандартам перевода, однако, по мнению Ю. Найды, со второй половины 20 в. наблюдается постепенный переход к динамической эквивалентности (Nida 2000: 130).

По мнению Г. Тури, для того, чтобы считаться переводом, текст на ПЯ должен находиться в отношении эквивалентности к тексту оригинала (Toury 1981: 14), причем **тип и степень эквивалентности определяются нормами**, которыми руководствуется переводчик в работе над конкретным текстом, что, в частности, выражается в необходимости искать равновесие между следованием нормам ИЯ и ПЯ (Toury 2000: 201, 204).

Один из разработчиков теории контрастивной текстологии Р. Хартман призывает перейти от оценки качества перевода к сравнению переводов с целью выявления типологических признаков разных типов текста и поиска лингвистических универсалий (Hartman 1981: 119). Исследователь определяет эквивалентность как динамический процесс, который является неотъемлемой частью переключения языкового кода. В его представлении это не формальная тождественность лексического состава и грамматической структуры текстов на ИЯ и ПЯ, а их **функциональное сходство** в условиях коммуникативной ситуации (Hartman 1985: 107-108), поэтому выбор техники достижения эквивалентности **зависит от множества факторов**, в т. ч.

уровня профессиональной подготовки переводчика, ситуационного контекста и цели коммуникации (Hartman 1981: 118).

П. Сабалбеаскоа в своем исследовании подробно анализирует процесс осуществления перевода и предлагает *модель «приоритетов и ограничений» (Priorities & Restrictions model)*. В соответствии с данной моделью перевода, **эквивалентность** понимается как **варьирующаяся характеристика, зависящая от набора приоритетов**, т. е. иерархии **целей**, которых стремится достичь переводчик как в тексте на ПЯ в целом, так и на отдельных его отрезках. Тщательно проанализировав текст оригинала, переводчик расставляет *приоритеты*, а именно принимает решение о том, какие элементы значения (например, юмористический эффект) необходимо сохранить в первую очередь, а какими можно пожертвовать в зависимости от типа текста и условий осуществления перевода, в т. ч. *ограничений* (например, неоднозначность интерпретации оригинала, труднопреодолимые жанровые различия в системах ИЯ и ПЯ, сжатые сроки, низкая оплата, недостаточная компетентность переводчика) (Zabalbeascoa 1999: 163). В связи с этим между текстом оригинала и текстом перевода могут возникнуть отношения эквивалентности трех типов:

1. Намеренная эквивалентность (*intended equivalence*);
2. Намеренное расхождение, или неэквивалентность (*intended difference, nonequivalence*);
3. Эквивалентность не имеет значения (*indifferent to equivalence*) (Zabalbeascoa 1999: 159, 165).

Итак, если выделить то общее, что есть во всех вышеприведенных теориях, то можно сделать вывод, что понятие **эквивалентности** перевода подразумевает передачу в тексте на ПЯ значения исходного текста при условии достижения переводом коммуникативного эффекта, максимально тождественного эффекту оригинала, с учетом норм исходного и переводящего языка, а также целей

переводчика в конкретной ситуации перевода. Однако в настоящей работе в целях сравнения с другими характеристиками перевода и переводческими теориями мы будем использовать наиболее традиционное определение эквивалентности, а именно приведенное в начале данного параграфа определение В. Н. Комиссарова, который понимает под эквивалентностью смысловую близость текстов перевода и оригинала.

1.1.2. Адекватный перевод

Вместе с понятием эквивалентности в теории перевода нередко употребляется понятие *переводческой адекватности*, и, несмотря на то, что иногда эти характеристики перевода выступают в качестве синонимов (Левицкий 1984: 75; Липатова 2011: 106; Тюленев 2004: 135), чаще всего они понимаются как самостоятельные, хотя и близкие по значению понятия, о толковании которых среди лингвистов нет единого мнения.

Некоторые исследователи используют термин «адекватность» для обозначения того, что в переводоведении обычно понимается под эквивалентностью. Например, Г. Тури понимает под адекватностью **следование исходному тексту**, противопоставляя ее *приемлемости*, которая определяется следованием нормам ПЯ. В представлении автора, всякий хороший перевод должен стремиться к адекватности, однако, поскольку отклонения от оригинала неизбежны, а на уровне всего текста не всегда возможно говорить о единой переводческой стратегии, то на более низких уровнях можно проследить отдельные переводческие решения, т. е. выбор либо в пользу адекватности, либо в пользу приемлемости (Toury 2000: 201).

Похожего мнения придерживается также Ф. Фарахзад, которая предлагает отойти от понятия эквивалентности и считать адекватным тот перевод, который демонстрирует бóльшую «зависимость» (*dependence*) текста на ПЯ **от текста оригинала** при условии соблюдения переводчиком требований приемлемости, которые определяются нормами языкового сообщества носителей ПЯ (Farahzad 1999: 9).

Другие исследователи, говоря об адекватности, делают упор на **прагматической составляющей** перевода. Например, В. Н. Комиссаров в ряде своих работ называет адекватность *ценностью* перевода. Согласно автору, ценность «включает в себя определенную степень переводческой эквивалентности, но отнюдь не сводится к ней. Эквивалентность — это понятие чисто переводческое, рассматривающее результат перевода исключительно по отношению к оригиналу. В то же время реальные акты перевода осуществляются порой не только для эквивалентной передачи содержания оригинала, но и для использования текста перевода в определенных **целях**. Пригодность результата процесса перевода к такому использованию и определяет его ценность... В значительной степени она обуславливается факторами, не имеющими прямого отношения к тексту оригинала, как-то: литературными достоинствами текста перевода, ясностью изложения, простотой и точностью технического описания (даже если это не достигнуто в оригинале), отношением рецепторов перевода к содержащимся в тексте идеям или к творческой манере автора оригинала и т. п.» (Комиссаров 1973: 158-159).

По мнению В. Н. Комиссарова, адекватным может считаться перевод, который «обеспечивает **прагматические задачи** переводческого акта **на максимально возможном** для достижения этой цели **уровне эквивалентности**, не допуская нарушения норм или узуса ПЯ, соблюдая жанрово-стилистические требования к текстам данного типа и соответствуя общественно-признанной конвенциональной норме перевода». Говоря простым языком, это хороший перевод, который оправдывает ожидания коммуникантов или лиц, оценивающих качество перевода (Комиссаров 2013: 233).

Л. С. Бархударов называет **прагматический фактор** необходимым условием достижения полной переводческой адекватности, делая оговорку, что адекватный перевод, тем не менее, предполагает равный учет как прагматических, так и семантических факторов, т. е. переводчику следует

избегать больших информационных потерь, поскольку значение оригинала не должно приноситься в жертву цели осуществления перевода (Бархударов 2010: 125, 132).

К. Райс и Г. Вермеер понимают под адекватностью соотношение исходного и конечного текстов, при котором последовательно учитывается **цель перевода** (например, лингвистический перевод, учебный перевод и т. д.), т. е., в отличие от эквивалентности, которая является «особым случаем» адекватности и ориентирована на перевод как результат, адекватность ориентирована на **перевод как процесс** (Швейцер 1988: 92-93).

А. Д. Швейцер согласен с К. Райс и Г. Вермеером в том, что термин «адекватность» применим к переводу как процессу. По его мнению, «адекватность связана с условиями протекания межъязыкового коммуникативного акта, с его детерминантами и фильтрами, с выбором стратегии перевода, отвечающей **коммуникативной ситуации**». Если эквивалентность – это скорее идеальный конструкт, подразумевающий максимально возможную передачу исходного значения, или *«коммуникативно-функционального инварианта»* текста оригинала, то адекватность – это реальная стратегия перевода, которая обеспечивает соответствие конечного текста условиям и задачам акта межъязыковой коммуникации (Швейцер 1988: 95-96). А. Д. Швейцер считает адекватным перевод, который вызывает у иноязычного получателя **реакцию**, соответствующую коммуникативной установке отправителя (Швейцер 1973: 270).

Ю. Найда предлагает три критерия, определяющих качество перевода и связанных с понятием адекватности: **«общая эффективность коммуникации, понимание замысла автора текста, эквивалентная реакция на текст»** (Липатова 2011: 111-112).

Таким образом, можно заключить, что **адекватность** – это характеристика перевода, в котором переводчику удалось добиться максимально возможной полноты

передачи смысловой составляющей при последовательном учете условий коммуникативной ситуации перевода и целей участников коммуникации.

1.1.3. Теория «скопоса»

Теория «скопоса» (от греч. *skopos* – «цель», «задача»), разработанная немецкими лингвистами Гансом Вемеером и Катариной Райс в конце 1970-х гг., представляет собой переход от формально-лингвистических переводческих теорий, опирающихся на понятие эквивалентности, к функционально- и социокультурно-ориентированному пониманию перевода. В свете этой теории перевод предстает не как транскодирование, а как **разновидность** человеческой деятельности (в данном случае – переводческой), основными условиями которой является наличие **цели** (*скопоса* перевода, *skopos*) и результата (текста на ПЯ, или *транслатума*, *translatum*). Перевод понимается как вторичное предложение информации, т.е. предложение представителям определенной культурной традиции информации на их языке об информации, изначально предложенной представителям другой культуры на другом языке.

В рамках теории «скопоса» можно выделить **три** основных **правила**:

1. Правило скопоса (*skopos rule*) – скопос определяет выбор стратегии перевода и то, каким в конечном итоге будет текст на ПЯ.
2. Правило связности (*coherence rule*) – текст перевода должен быть связным и понятным для носителей ПЯ с учетом фоновых знаний, которые ожидаются от получателей как представителей определенной культуры;
3. Правило верности (*fidelity rule*) – после достижения скопоса и применения правила связности между текстами оригинала и перевода должна присутствовать связь (Jabir 2006: 41; Panda 2015: 282; Schäffner 2000: 236).

Таким образом, не текст на ИЯ, а именно скопос, а точнее **скопос конечного текста** на ПЯ, заданный в **инструкции заказчика**, определяет методы и стратегии перевода, качество которого оценивается относительно его адекватности скопосу. Скопос зависит от принимающей культуры, т. е. получателей текста перевода (Jabir 2006: 39), и может либо совпадать со скопосом оригинала (*постоянство функции, functional constancy*), либо отличаться (*смена функции, change of function*) (Schäffner 2000: 235-236). По мнению К. Райс, для выбора адекватной стратегии перевода (в первую очередь, в случае совпадения скопоса) переводчик должен выявить **коммуникативную функцию** текста оригинала, для чего необходимо определить тип (*text-type*) и разновидность текста (*text-variety*) (Reiss 1981: 122; Schäffner 2000: 237). К. Райс предлагает следующую **типологию текстов**:

1. Информативные, где основная функция – передача содержания (например, новостная сводка);
2. Экспрессивные, где помимо содержания важна его художественная организация (например, поэма);
3. Оперативные, содержание которых имеет побуждающий к некоторому действию характер (например, реклама);
4. Смешанные, в которых невозможно определить одну доминирующую функцию.

Под *разновидностью* текста автор понимают его принадлежность к определенной социокультурной схеме коммуникации, характерной для конкретного языкового сообщества и отличающейся своеобразными языковым оформлением и структурой (например, извещение о смерти) (Reiss 1981: 124-126).

Развенчивая текст оригинала, теория «скопоса» вызвала неоднозначную реакцию в переводоведческих кругах и нашла ряд оппонентов, которые подвергли ее серьезной **критике**, доходившей порой до

открытого неприятия. Например, П. Ньюмарк, истолковавший правило скопоса в соответствии с принципом «цель оправдывает средства», обвинял теорию в грубости, коммерческой ориентированности, несовместимости с качеством и точностью перевода (Рун 2014: 92).

Главный основатель теории «скопоса» Ганс Вермеер подробно ответил на основные критические замечания:

1. Не у каждого действия есть цель. Литература не имеет цели.

Контраргумент: Каждое действие можно соотнести с определенной целью. Действие по определению должно иметь цель. Даже если автор произведения не осознает существования конкретной цели, процесс создания произведения предполагает моменты целенаправленной деятельности и те, которые могут быть соотнесены с некоторой целью (например, момент, когда поэт записывает стихотворение).

2. Не каждый перевод можно соотнести с некоторой целью. У переводчика нет определенной цели.

Контраргумент: Теория «скопоса» дает простор для широкого толкования. Целью переводчика может быть следование тексту оригинала, достижение максимально возможной эквивалентности.

3. Наличие цели наложило бы ограничения на процесс перевода и возможность интерпретации текста на ПЯ.

Контраргумент: Переводчик принимает окончательное решение в вопросе определения скопоса и выбора стратегии перевода. Он может поставить своей целью сохранить в переводе широту интерпретации текста оригинала.

4. У переводчика нет представления об адресате.

Контраргумент: Всякий, кто считает, что выражает свои мысли понятным для других образом, сознательно или несознательно представляет себе некоторую аудиторию. Проблема в том, что набор адресатов текста перевода может быть достаточно расплывчатым (Vermeer 2000: 225-227).

Согласно Г. Вермееру, основная задача его теории – помочь переводчику прийти к осознанию того, что в его работе присутствует некоторая цель, чтобы **переводить сознательно**, последовательно применяя заранее избранную стратегию. Наличие цели не ограничивает, а наоборот расширяет возможности для выбора методов перевода, что увеличивает ответственность переводчика. Получив заказ, переводчик как профессионал своего дела принимает решение о том, насколько требования клиента реализуемы в условиях культуры принимающего языкового сообщества, и, в случае необходимости, обсуждает этот вопрос с клиентом и корректирует скопос, чтобы добиться оптимального в данных условиях перевода (Vermeer 2000: 228-232).

До сих пор не существует единого мнения относительно преимуществ и недостатков теории «скопоса». Например, бельгийский лингвист П. Флинн провел этнографическое исследование, опросив переводчиков об особенностях их работы, и пришел к выводу, что теория «скопоса» в целом работает на практике, но в большинстве случаев скопос можно определить только после завершения перевода, поскольку определяющие перевод факторы (скопос, заказ, транслатум, инструкция заказчика) представляют собой не этапы линейного процесса перевода, а подлежащие обсуждению и модификации пункты (Flynn 2004: 283).

По мнению Р. Деви и А. Панды, теория «скопоса» наиболее применима к нехудожественному переводу, например, локализации сайтов, техническому, юридическому переводу и переводу научной литературы, поскольку предлагает разносторонний подход к переводу и позволяет максимально учитывать пожелания заказчика и особенности принимающей культуры (Devi 2015: 282).

С точки зрения А. Честермана, хотя теория скопоса незаменима в педагогической практике при преподавании перевода благодаря упору на сознательное определение цели, она не способна достоверно описать процесс перевода как таковой, т. к. опирается на идею переводчика как эксперта, работающего в оптимальных условиях, что не соответствует реальной практике (Chesterman 2010: 224).

Таким образом, подводя итог вышеприведенным теоретическим положениям и взглядам лингвистов, можно сделать вывод, что основная суть **теории «скопоса»** – перенос акцента с текста оригинала на цель перевода, или скопос, который определяется переводчиком на основе инструкции заказчика с учетом особенностей принимающего языкового сообщества.

1.1.4. Гармоничный перевод

Понятие *гармоничного перевода* было введено в научный обиход представителями пермской лингвистической школы, в частности Л. В. Кушниной в рамках ее теории **гештальт-синергетического переводческого пространства**. Л. В. Кушнина определяет перевод как систему транспонирования смыслов текста одной культуры в текст другой культуры. Эта система управляется глубинными гештальт-синергетическими процессами, направленными на *гармонизацию* текстов разных культур (Кушнина 2004: 4). Процесс гармонизации осуществляется в **переводческом пространстве**, представляющем собой **полевую структуру** (см. *Рис. 1*), в которой ядро – это содержание текста на ИЯ (эксплицитный смысл), а периферия включает (I) три текстовых поля и (II) три поля субъектов процесса перевода (имплицитные смыслы):

I. Текстовые поля:

1. Энергетическое – затекст, энергия текста (эмотивные смыслы);
2. Фатическое – интертекст, пространство взаимодействия культурноспецифических смыслов (культурологические смыслы);

3. Экологическое, или природно-биологическое – поле, связанное с существованием человека в окружающей природной среде и взаимодействием с ней, а также с представлением о языке как экосистеме, которая зависит от социума и от которой, в свою очередь, зависит социум (экосмыслы);

II. Поля субъектов:

1. Поле автора – предтекст, интенции, пресуппозиции автора, предшествующие созданию текста (модальный смысл);
2. Поле переводчика – подтекст, глубинный смысл высказываний, в который переводчик стремится как можно глубже проникнуть, а также установки и индивидуальное видение переводчика, которые отражаются на тексте перевода (индивидуально-образный смысл);
3. Поле реципиента – контекст, фоновые знания потенциального читателя, его рефлексия на смысл перевода (рефлексивный смысл) (Кушникова 2010: эл. ресурс; Кушникова 2011 [23]: 173; Кушникова 2012: эл. ресурс; Кушникова 2014: 73).

Рис. 1

Гармония понимается как переводческая категория, которая создает систему оценки качества перевода и репрезентируется с помощью категории *значимости*. С одной стороны, значимость выступает как компонент лексического значения языковой единицы, с другой стороны, – как языковая

и культурологическая ценность языковой единицы в системе языка. Гармония имеет **четыре уровня**, которые определяются соотношением значимостей:

1. *Дисгармония* в случае столкновения или выпадения значимостей в результате переводческой ошибки или несоответствия;
2. *Адекватность* при взаимодействии значимостей. Л. В. Кушнина связывает этот уровень гармонии с идентичностью, соотносением лексем текста на ИЯ с их словарными соответствиями в системе ПЯ;
3. *Эквивалентность* также возможна при взаимодействии значимостей и соотносится с тождеством в случае выполнения межъязыковых переводческих трансформаций;
4. *Гармония* – цель и высший уровень системы оценки качества перевода. Гармония достигается при выполнении межкультурных преобразований с целью преодоления расхождений; происходит согласование значимых единиц двух текстов, взаимодействие языков и культур в переводческом пространстве (Кушнина 2011 [23]: 175-176; Кушнина 2011 [24]: 83; Назмутдинова 2008: 4).

В рамках теории адекватность и эквивалентность представляют собой лишь частные случаи гармоничности. «Если эквивалентность подразумевает отношения тождественности, то гармоничность простирается от тождественности до различия, включая постепенные переходы от тождества к различию и от различия к тождеству» (Кушнина 2004: 26).

Гармоничный перевод (гармоничный текст перевода) – это «динамическое образование, в котором синергия дифференциальных смыслов порождает единое смысловое целое, образ-гештальт, который соразмерен образу-гештальту исходного текста», т. е. гармоничным можно назвать перевод, который выражает те же смыслы, что и текст оригинала, в котором смыслы оригинала адаптированы переводчиком к принимающей

языковой, культурной, природной среде (Кушни́на 2004: 26; Кушни́на 2014: 72).

Таким образом, можно заключить, что **гармония** как характеристика текста перевода и высший уровень одноименной категории предполагает передачу в переводе всей полноты смыслов оригинала с их соответствующей адаптацией к условиям принимающего языкового сообщества, достигнутой путем нахождения словарных соответствий, выполнения межъязыковых переводческих трансформаций и межкультурных преобразований.

1.2. Общее и вариативное в языке

1.2.1. Вариативность средств выражения

Язык – это сложная, многоуровневая знаковая система, включающая в себя инвентарь – языковые единицы – и правила их функционирования, или грамматику. Язык как основное средство человеческого общения относится к вторичным знаковым системам, поскольку языковой знак имеет произвольный характер, т. е. связь между означаемым и означающим не мотивирована природой вещей, а элементы языка значимы исключительно в силу приписанных им характеристик (Солнцев 1977: 19).

Одним из ключевых свойств языка как системы является *вариативность*. Данный термин может пониматься двояко: 1) как способ существования и функционирования языковой системы, при котором абстрактная языковая единица каждого уровня в речи выступает в виде одного из своих конкретных вариантов (например, фонема – аллофон); 2) как способность языка в процессе эволюции создавать **конкурирующие средства выражения** на всех уровнях языковой системы (фонетическом, морфемном, лексическом, синтаксическом, стилистическом и т. д.), т. е. **передавать одни и те же значения разными формами** (Вагана 2012: 43; Жеребило 2010: 55).

По мнению М. В. Солнцева, который применяет в своих исследованиях системно-структурный подход, вариативность языковых единиц «обусловлена двумя факторами: а) существованием каждой единицы в виде некоторого класса и б) использованием в речи всегда одного представителя класса, поскольку в силу свойства линейности речи одно место может занимать только один элемент класса» (Солнцев 1977: 213, 217-218).

Явление вариативности предполагает существование *вариантов* – формальных разновидностей одной и той же языковой единицы, которые при тождестве значения различаются частичным несовпадением своего звукового состава (Цупикова 2009: 186). Если вариант – это конкретная языковая единица определенного класса, то *инвариант* – то общее, которое заключено в конкретных объектах-вариантах, составляющих один класс (Солнцев 1977: 214). М. В. Солнцев описывает соотношение этих понятий следующим образом: «Инвариант и вариант представляют собой две характеристики предмета или явления, входящего в некоторый класс. Свойство *инвариантности* характеризует то **общее**, что есть у данного единичного предмета с другими ему подобными. *Вариативность* характеризует то **особенное**, что есть только у данного предмета в отличие от других ему подобных, с которыми он связан через свои инвариантные свойства» (Солнцев 1977: 217-218).

Вариативность языковых единиц, как правило, связывается с понятием **нормы**, которое является центральным в теории культуры речи. *Норма* – существующие в данное время в данном языковом коллективе и обязательные для всех его членов языковые единицы и закономерности их употребления, причём эти единицы могут либо быть единственно возможными, либо выступать в виде сосуществующих в пределах литературного языка вариантов (Пахомова 2016: 305). Именно нормы, принятые в определенном языковом сообществе, определяют **границы языковой вариативности** и регулируют использование средств выражения, в том числе в процессе перевода, что подтверждает ряд исследований.

Например, Дж. Науде, рассматривая вопрос стилистической вариативности в переводах Кумранских рукописей, или свитков Мертвого моря (*Dead Sea Scrolls*) с иврита и арамейского на английский, приходит к выводу, что индивидуальный стиль переводчика зависит не столько от творческих способностей (или их недостатка), а от предпочтений переводчика в выборе средств выражения, причем стилистическая вариативность переводов определяется **переводческими нормами**, господствующими в определенной социокультурной среде и регулирующими выбор стратегии перевода (Naudé 2007: 144, 164).

М. Карл и М. Шеффер, исследуя процесс художественного перевода и постредактирования, отмечают, что наиболее вариативные отрезки текста оригинала, для которых характерна высокая *переводческая энтропия* (т. е. им соответствует большое количество вариантов перевода), представляют особую сложность для переводчиков, т. к. требуют большей затраты когнитивных усилий (Bangalore 2015: 120).

Помимо переводческих норм, на вариативность в переводе оказывает влияние **субъективное восприятие переводчика** как носителя определенного языка со своим «индивидуальным идиолектом, индивидуальным когнитивным полем, личным опытом, мировоззрением, отношением к автору текста, его персонажам, к описываемым ситуациям». Все эти характеристики образуют субъективный фактор в переводе и отвечают за выбор переводчиком того или иного варианта для передачи содержания оригинала (Сапогова 2007: 122).

По мнению Дж. Мандея, переводчик как транслятор смысла от автора исходного текста к целевой аудитории текста на ПЯ неизбежно вмешивается в процесс коммуникации, являясь его активным участником, причем объем его вмешательства зависит как от объективных факторов (например, цели перевода, ожиданий аудитории), так и от субъективных (социокультурная принадлежность переводчика, его стилистические предпочтения). Анализируя «потенциал значения» оригинала, переводчик выбирает лексико-

грамматические средства, подходящие для определенного контекста (Schäffner 2013: 355-356).

Итак, подводя итог вышеприведенным положениям, под вариативностью, а точнее, **переводческой вариативностью**, поскольку именно она представляет для нас наибольший интерес, мы будем понимать использование в текстах перевода разных форм для передачи значения оригинала.

1.2.2. Понятие «инвариант»

Понятие «*инвариант*» пришло в лингвистику из области **математики**, где Ф. Клейн впервые употребил его в 1872 г. (Рахлеев 2015: 7) для обозначения величины, которая остается неизменной при различных преобразованиях (Жеребило 2010: 119).

В **языкознании** под инвариантом понимается элемент абстрактной системы языка в отвлечении от его конкретных реализаций (Ахманова 1966: 171). И. А. Бодуэн де Куртенэ, один из основателей фонологии, первым обратил внимание на явление инвариантности в лингвистике, описывая *фонему* как «единое, непреходящее представление звука языка» (Алпатов 2005: 124), т. е. инвариант на **фонетическом уровне** языковой системы, вариантом и формой существования которого в настоящее время считается *аллофон* (Реформатский 2004: 285).

Говоря о **семантике** языковых единиц, И. М. Кобозева выделяет два типа значений: инвариантное *виртуальное* – широкое значение, охватывающее все многообразие возможных употреблений данной единицы конкретного языка и доступное всем членам языковой общности (например, слово «огонь» как таковое), и *актуальное* – узкое значение языковой единицы, проявляющееся в контексте ее употребления (высказывание «Погаси огонь!» в ситуации отдыха на природе) (Кобозева 2000: 53-57).

На уровне **грамматики** инвариант исследует Н. В. Перцов в работе «Инварианты в русском словоизменении». Ученый понимает под инвариантом «общее содержание, объединяющее разные интерпретации

соответствующей единицы или соответствующего значения, проявляющиеся в разных языковых или ситуативных контекстах» (Перцов 2001: 12). Также В. Н. Перцов выделяет 2 *ипостаси инварианта* языковой единицы:

1. *Сильный инвариант* – «некоторая сущность, из которой по определенным правилам могут быть выведены все частные интерпретации единицы».
2. *Слабый инвариант* – некое «общее ядро», «сущность, свойственная любой частной интерпретации единицы» (Перцов 2001: 35, 246).

Изучение слабого инварианта представляется автору более реалистичным, т. к. для его мотивировки достаточно продемонстрировать проявление инварианта в конкретной интерпретации языковой единицы, в то время как для определения сильного инварианта требуется формулировка соответствующих правил.

Анализ инварианта на уровне **словосочетание – предложение – сверхфразовое единство (СФЕ)** мы находим в работах исследователя фразеологии Г. Л. Пермякова, в частности в его книге «Основы структурной паремиологии». Рассмотрев около 7000 поговорок, пословиц и побасенок 72 народов Востока, автор предлагает свою модель классификации паремий, основанную на описываемых ими реальных жизненных *ситуациях*. Г. Л. Пермяков понимает пословицы и поговорки как «знаки определенных ситуаций» или отношений между вещами; эти ситуации или отношения составляют *логическое содержание* паремиологических единиц, их инвариант, тогда как конкретные паремии со всем богатством своей этнической и географической специфики и особенностями образного строя являются вариантами определенной инвариантной формулы. Автор выделяет 4 таких формулы (например, «Если есть одна вещь, то есть и другая»), а также чуть более 100 соответствующих этим инвариантным формулам логико-тематических групп (например, «Причина и Следствие», «Любовь и Красота»). Благодаря такому подходу к классификации, Г. Л. Пермякову

удается объяснить существование пословиц и поговорок, сходных по тематике и образному строю, но абсолютно противоположных по логическому содержанию (например, «Жена да цинковка чем свежее, тем лучше» и «Жена да кастрюля чем старее, тем лучше»). Причина этого явления кроется в разнообразии и противоречивости жизненных ситуаций, описываемых паремиологическими единицами. Поэтому любые изречения оказываются верными, когда их применяют в соответствующей ситуации (Пермяков 1988: 21-30).

На уровне **текста** поиском инварианта занимается В. Я. Пропп в своем знаменитом труде «Морфология волшебной сказки». На основе анализа 100 русских народных волшебных сказок из сборника А. Н. Афанасьева ученый выделяет четкие закономерности их строя – т. н. единый композиционный «стержень» (Пропп 2001: 24), который заключается в развитии сюжетной линии путем последовательного введения в повествование определенных *функций*, носителями которых могут выступать различные персонажи в зависимости от конкретной сказки. В результате детального исследования В. Я. Пропп вывел цепочку из 31 функции (например, «отлучка», «запрет», «нарушение запрета» и проч.), которые представляют собой инвариант композиционного строя сказки, что позволяет ему сделать вывод о том, что «весь запас волшебных сказок следует рассматривать как цепь вариантов» (Пропп 2001: 107).

Г. Г. Москальчук в своей работе «Структура текста как синергетический процесс» проводит анализ речевых произведений литературного языка и диалектной речи, пытаясь установить типичные формы текстов и их универсальные структурные характеристики вне зависимости от принадлежности к определенному функциональному стилю или жанру. Автор приходит к выводу о том, что инвариантная упорядоченность текста распространяется на его глубинные структуры, и выдвигает положение о важности повтора, или повторяющегося комплекса (ПК), как основного текстообразующего фактора, а также вводит понятие

инвариант структуры текста, под которым понимает иерархически организованную систему. Инвариант «отражает устойчивость структурной организации текста, закономерное расположение повторяющейся части, на фоне которой возникает и развивается новое... Ему присуща воспроизводимость, не зависящая от формы речи, авторства, ситуации общения, эпохи, стиля и эстетических пристрастий... Инвариант, как проявление универсальной текстопорождающей матрицы, фиксирует симметричные структурные особенности текста, сохраняющиеся при любых преобразованиях» (Москальчук 2003: 65-66).

Рассматривая точки зрения лингвистов на понятие «инвариант», невозможно не упомянуть **научную школу инвариантно-вариативной методологии**, которая зародилась в 80-х годах XX века. Одним из достижений данной школы является разработка теории функционально-стилистического инварианта и его исследование (Жеребило 2015: 15-16).

Функционально-стилистический инвариант – это «абстрактное обозначение одной и той же сущности в отвлечении от ее конкретных модификаций – вариантов... структура с типовым набором компонентов, синтезирующая в себе однородные объекты: информационные модели функциональных стилей (в стилистике), модели коммуникативных качеств речи (в культуре речи), информационные модели текстов (в лингвистике текста), схемы и модели словообразовательных типов (в словообразовании) и т. п.» (Жеребило 2003: 11).

Таким образом, можно сделать вывод, что понятие инварианта в лингвистике охватывает все уровни языковой системы – от фонетического до уровня текста и функциональных стилей – и «связано с единицами обоих планов – плана выражения и плана содержания» (Перцов 2001: 22). Исходя из всех вышеупомянутых трактовок и подходов к **понятию «инвариант»**, в дальнейшем под этим термином в его широком смысле мы будем понимать некую абстрактную языковую единицу, обобщающую

значения конкретных единиц речи и выявляемую путем их интерпретации.

1.2.3. Инвариант перевода

В рамках переводоведения понятие инварианта связано в первую очередь с *инвариантом перевода*, однако, среди ученых-лингвистов не существует единой точки зрения относительно определения этого термина.

Наиболее традиционным можно считать подход, в рамках которого инвариант трактуется как **общность содержания** оригинала и вариантов его перевода. Например, в работах А. Поповича мы находим понятие «*инвариантное ядро значения*», под которым автор понимает набор стабильных, *постоянных семантических элементов*, которые создают поле для переводческой вариативности, не изменяющей содержания самого «инвариантного ядра» исходного текста. В представлении автора переводческий инвариант определяется *отношением между разными вариантами* оригинала (Farahzad 1999: 3-4).

Г. М. Стрелковский выделяет понятие *инвариант сообщения* как «неизменную содержательную сущность, которая присуща любой Мысли, выраженной словами» и *инвариант перевода* как «неизменное смысловое содержание исходного текста, подлежащего переводу, и его транслята, которое переходит от оригинала к трансляту в процессе перевода» (Стрелковский 1979: эл. ресурс).

Похожей точки зрения придерживается и Г. Тури, в чьем представлении инвариант – «*информационное ядро*» оригинала, которое сохраняется в тексте перевода, однако может быть как *функциональным*, так и *формальным* по своей природе (Gorlée 1994: 20, 170).

Точка зрения Г. Тури ближе к несколько иному, более популярному в настоящее время подходу, в соответствии с которым делается акцент в первую очередь на **коммуникативной функции** оригинала и ее сохранении при переводе. Например, И. С. Алексеева, формулируя правила переводческой этики, пишет о необходимости «в максимальной мере

передать инвариант исходного текста, ориентируясь на *функциональные доминанты* подлинника» (Алексеева 2004: 29-30). Она понимает под инвариантом перевода «соотношение содержания текста и ситуативного контекста, разное для каждого конкретного текста и представляющее собой его *коммуникативное задание*» (Алексеева 2004: 137).

А. Д. Швейцер трактует инвариант как остающееся неизменным при переводе «*функциональное содержание* исходного сообщения, т. е. его смысловую сторону» (семантическую и прагматическую), которая определяется соотношением между коммуникативной установкой и функциональными характеристиками переводимого высказывания (Швейцер 1973: 69-70). При этом основным условием инвариантности выступает соответствие коммуникативной интенции первичного отправителя *коммуникативному эффекту* конечного текста (Швейцер 1988: 94, 115). Также у А. Д. Швейцера мы находим определение *функциональных доминант* речевого произведения, на которые должен ориентироваться переводчик для сохранения инварианта, – это функциональные характеристики, которые играют доминантную роль в тексте в соответствии с его коммуникативной установкой и определяют закономерности анализа и синтеза языковых средств в процессе перевода (Швейцер 1973: 68). А. Д. Швейцер считает, что «процесс перевода может быть представлен как процесс поиска решения, отвечающего определенному набору варьирующих функциональных критериев» (Швейцер 1973: 71), что перекликается со многими современными теориями переводческой эквивалентности, например, упомянутым выше подходом П. Сабалбеаскоа.

По мнению А. Людсканова, сохранение инварианта перевода подразумевает сохранение *функции* исходного текста, в то время как выбор языковых средств для ее передачи на языке перевода носит творческий характер (Демесинова 2013: 50).

Н. А. Яковлева и М. А. Семенова определяют инвариант перевода как «*неизменное содержание мысли со всеми ее оттенками*», т. е. абстрактную

сущность, которая существует только в своих вариантах и складывается из *эквивалентности смыслов* и *тождественности функции* речевых произведений оригинала и перевода, причем между содержанием мысли и ее словесным выражением нет взаимооднозначного соответствия (Яковлева 2003: эл. ресурс).

По мнению Е. А. Третьяковой, у текста на ИЯ и текста на ПЯ должна быть *инвариантная семантическая структура*, а это в первую очередь предполагает, что текст перевода вызовет у читателя-носителя другого языка и представителя иной культуры *ассоциации*, максимально приближенные к таковым у читателя оригинального произведения (Третьякова 2006: эл. ресурс).

Похожей точки зрения придерживается и знаменитый бенгальский писатель Рабиндранат Тагор, переводивший свои стихи на английский язык. Основная цель Тагора – передать «*суть*» стихов с учетом *особенностей целевой аудитории*, т. е. произвести на английского читателя сходное *эстетическое впечатление*, в связи с чем в одном из его писем мы встречаем метафору перевода как свадебного путешествия новобрачных, где невеста, отправляясь в дальние страны, оставляет дома свой драгоценный убор, который будет неуместен в дороге (Dasgupta 2012: 135).

Однако некоторые исследователи **ставят под сомнение существование инварианта перевода** как таковое. Например, Дж. Кэтфорд считает, что значение является свойством конкретного языка, следовательно, значение текста на ИЯ не может совпадать со значением текста на ПЯ, а тем более «переноситься» в него в процессе перевода; оно может лишь заменяться эквивалентным значением переводного текста (Catford 1978: 35, 48).

Соглашаясь с этим мнением Дж. Кэтфорда, Ф. Фарахзад критически относится к возможности приписать качество инвариантности какой-либо из характеристик исходного текста, поскольку изменение формы выражения, которое и подразумевает перевод, неизбежно модифицирует исходное

значение. Согласно ее теории, находящейся в русле традиций постмодернизма и деконструкции Жака Деррида, значение динамично, а текст с каждым прочтением рождается заново, т. к. каждый читатель (в т. ч. переводчик) интерпретирует его по-своему, не только расшифровывая его значение, но и «вчитывая» свое собственное (Farahzad 1999: 4-9).

Признавая правомочность утверждения о динамичной природе значения, мы, однако, не можем согласиться со столь категоричным отрицанием явления инвариантности при переводе и склонны искать **компромиссный подход**, т. к., несмотря на разницу между языковыми системами ИЯ и ПЯ, а также различные экстралингвистические условия акта межъязыковой коммуникации (культурный и временной факторы, особенности восприятия конкретного переводчика и проч.), мы все-таки можем судить о том, является ли некоторый текст на одном языке переводом текста на другом языке или нет.

Например, А. Б. Кутузов исследует перевод романа К. Воннегута «Бойня номер пять, или Крестовый поход детей», используя методы корпусной лингвистики, и обнаруживает *«динамический лексический инвариант»*, связанный с сохранением в тексте перевода динамики роста числа словоформ в зависимости от числа словоупотреблений, характерной для оригинала. Автор делает вывод, что разница грамматических систем ИЯ и ПЯ в данном случае нивелируется (Кутузов 2010: 178, 182).

А. Ю. Олейник считает инвариантом перевода *дискурсивную форму текста*, которая соответствует линейному *порядку развертывания смысла*, т. е. актуальному членению, тогда как варибельным аспектом перевода является языковая форма, зачастую требующая от переводчика осуществления определенных межъязыковых трансформаций из-за различий между системами ИЯ и ПЯ (Олейник 2010: 112).

С. В. Тюленев в своих работах описывает единицу перевода *транслатему*, которая отражает *«константу переводческого соответствия плана содержания*, обладающего своим конкретным планом выражения на

минимальном отрезке оригинала, плану содержания, обладающему своим конкретным планом выражения на минимальном отрезке ПЯ». (Тюленев 2004: 89). Именно эту константу содержания считают инвариантной Д. А. Гусаров и В. И. Ершов, называя в числе ее составляющих *цель коммуникации, ситуативную соотнесенность* и категорию *доминантного признака высказывания*. С точки зрения исследователей, сохранение этих элементов в неизменном виде «является минимальным условием того, чтобы два высказывания могли считаться оригиналом и переводом по отношению друг к другу» (Гусаров 2013: 49).

В. В. Сдобников считает необходимым рассматривать категорию инвариантности с точки зрения особенностей *коммуникативной ситуации с использованием перевода* (КСП), которая определяет выбор переводческой стратегии для каждого конкретного случая. КСП делятся в первую очередь на те, где перевод планировался изначально во время создания текста оригинала (например, конференция, экскурсионное обслуживание и т. д.) и те, где он не планировался, но был создан по инициативе одного из участников коммуникации (например, перевод романа на иностранном языке по заказу издательства, перевод научной статьи на иностранный язык для ее публикации автором за границей и т. д.). Принимая во внимание все разнообразие КСП, их условий и целей коммуникации (например, перевод-адаптация взрослого романа для детской аудитории), автору представляется невозможным выделить те параметры текста, которые оставались бы инвариантными во всех КСП. В связи с этим В. В. Сдобников предлагает понимать инвариант перевода как *«комплексное образование, включающее на своих разных уровнях и особенности формы текста, и коммуникативно-релевантную информацию о предметной ситуации (содержание текста), и – на вершине этого образования – функцию текста»* (Сдобников 2015: 200-207).

В. Н. Пилатова, исследуя особенности восприятия текста в аспекте перевода, делает вывод о существовании такого явления как *инвариант дискурса* (или *инвариант восприятия текста*) – *информационный минимум*

текста, который сохраняется при восприятии его разными слушателями и является минимальным условием успешной коммуникации. Автор выделяет следующие его составляющие:

1. *основная идея;*
2. *коммуникативная направленность;*
3. *главные сюжетные линии;*
4. *новое сообщение;*
5. *жанровые характеристики речи.*

По мнению В. Н. Пилатовой, сохранение инварианта восприятия текста «является обязательным минимальным условием успешной работы переводчика», а разные переводы одного исходного текста представляют собой «варианты дискурса» (Пилатова 2011: 121-122).

Таким образом, основываясь на всех вышеприведенных подходах и точках зрения, далее в настоящей работе мы будем толковать **инвариант перевода** как комплексную абстрактную семантическую составляющую, которая сохраняется в процессе перевода конкретного типа текста в определенной коммуникативной ситуации с использованием перевода (КСП) при учете функциональных доминант данного текста и является минимальной и достаточной для создания успешного перевода.

Выводы

В первой главе настоящей работы приводится изложение вопросов, являющихся теоретической базой исследования инвариантной и вариативной составляющих в переводе. Под *переводом* понимается передача информации, содержащейся в данном речевом произведении, средствами другого языка, причем основным условием осуществления перевода является сохранение неизменного плана содержания, т. е. значения.

В данной главе рассматривается ряд наиболее значимых теорий и моделей перевода, авторы которых ищут ответ на вопрос: «Что должен содержать текст на ПЯ, чтобы считаться переводом исходного текста, и каковы критерии качества перевода?» В связи с этим делается вывод, что удачный перевод определяется такими понятиями как:

- *Эквивалентный перевод* – перевод, в котором сохранена смысловая близость к тексту оригинала.
- *Адекватный перевод* – перевод, в котором переводчику удалось добиться максимально возможной полноты передачи смысловой составляющей при последовательном учете условий коммуникативной ситуации перевода и целей участников коммуникации.
- Перевод с достижением *скопоса* – цели перевода, которая определяется переводчиком на основе инструкции заказчика с учетом особенностей принимающего языкового сообщества.
- *Гармоничный перевод* – перевод, предполагающий передачу всей полноты смыслов оригинала с их соответствующей адаптацией к условиям принимающего языкового сообщества, достигнутой путем нахождения словарных соответствий, выполнения межъязыковых переводческих трансформаций и межкультурных преобразований.

Помимо этого, в первой главе анализируются научные работы, посвященные явлениям вариативности и инвариантности в лингвистике в

целом и в отношении к переводу в частности, а также даются определения данным понятиям:

- *Вариативность* – 1) способ существования и функционирования языковой системы, при котором абстрактная языковая единица каждого уровня в речи выступает в виде одного из своих конкретных вариантов; 2) способность языка в процессе эволюции создавать конкурирующие средства выражения на всех уровнях языковой системы, т. е. передавать одни и те же значения разными формами.

- *Переводческая вариативность* – использование в текстах перевода разных форм для передачи значения оригинала.

- *Инвариант* – абстрактная языковая единица, обобщающая значения конкретных единиц речи и выявляемая путем их интерпретации.

- *Инвариант перевода* – комплексная абстрактная семантическая составляющая, которая сохраняется в процессе перевода конкретного типа текста в определенной коммуникативной ситуации с использованием перевода (КСП) при учете функциональных доминант данного текста и является минимальной и достаточной для создания успешного перевода.

Глава 2. Практическое исследование вариативности и инвариантности переводов

В настоящей главе будет произведен анализ стилистически маркированных фрагментов текстов оригиналов романов на английском и русском языке и их переводов на предмет логико-семантического, грамматического, прагматического, стилистического и культурологического соответствия при переводе с целью выявления инвариантной составляющей и ее варьирующихся средств выражения. Текстовые фрагменты были получены методом целенаправленной выборки из двух оригинальных романов и шести вариантов их перевода (по три перевода каждого романа):

I. «Ivanhoe», W. Scott (далее в тексте работы при рассмотрении иллюстративных примеров роман будет обозначаться как *Скотт*):

1. Перевод на русский Е. Г. Бекетовой под ред. В. Иванова, местами сокращенный и упрощенный (*Бекетова*);
2. Перевод и редакция П. П. Щеголева (*Щеголев*);
3. Перевод В. Д. Владимирова, значительно сокращенный (*Владимиров*);

II. «Идиот», Ф. М. Достоевский (*Достоевский*):

1. Перевод на английский Алана Майерса (Alan Myers, *Майерс*);
2. Перевод Констанс Гарнетт, один из первых переводов романа на английский язык (Constance Garnett, *Гарнетт*);
3. Перевод Игната Эвси (Ignat Avsey, *Эвси*).

Необходимо заметить, что под *стилистически маркированным фрагментом текста* в данном случае понимается отрезок текста – отрывок предложения, целое предложение либо сверхфразовое единство (СФЕ), – характеризующийся определенной доступной для прочтения идеей, а также использованием средств языковой выразительности (тропов и стилистических фигур), делающих авторскую речь образной, наиболее

интересной и сложной для перевода, и вследствие этого повышающих вариативность в переводах (Bangalore 2015: 120; Schäffner 2013: 357).

Ввиду ограничений по объему выпускной квалификационной работы в настоящей главе будет приведен анализ лишь наиболее ярких из отобранных иллюстративных примеров.

В случае отсутствия в одном из трех вариантов перевода определенного фрагмента, выбранного в качестве иллюстративного примера, в работе будет приведен анализ фрагмента только в двух вариантах перевода в сравнении с оригиналом.

2.1. Логико-семантическое соответствие при переводе

В данном разделе мы рассмотрим логическую структуру фрагментов художественного текста и проанализируем, как элементы значения оригинала передаются в переводе.

2.1.1. Перевод с английского языка на русский

Пример 1.

Контекст: Шут Вамба вызывает свинопаса Гурта на откровенный разговор о незавидном положении англосаксов по сравнению с норманнами в Англии конца XII в. Гурт может поплатиться за свои высказывания, если о них станет известно, на что и намекает Вамба.

<i>'I know thou thinkest me a fool, or thou wouldst not be so rash in putting thy head into my mouth'</i> (Скотт, стр. 11).		
– По всему видно, что ты считаешь меня дураком, иначе не стал бы совать свою голову в мою глотку (Бекетова, стр.35).	– Я знаю, что ты меня считаешь дурачком, иначе не стал бы совать свою голову в мою глотку (Щеголев, стр.10).	– Я знаю, что ты считаешь меня глупцом; иначе ты не был бы со мною так откровенен (Владимиров, стр.13).

В данном фрагменте автор обыгрывает английскую идиому *'put one's head in the lion's mouth'* ≈ подвергать себя опасности, рисковать. В устах Вамбы *'put thy head into my mouth'* приобретает смысл «рисковать, доверяясь мне, т. е. говоря при мне такие вещи».

Для того чтобы рассмотреть логическую структуру оригинала и ее передачу в переводах, попробуем передать смысл исходного фрагмента, разложив его на более простые предложения-трансформы в соответствии с теорией глубинных структур Ноама Хомского:

- I. Я знаю: [1. Ты думаешь, что я дурак.
2. Если бы ты так не думал, то не был бы так неосторожен/безрассуден.
3. Если бы ты так не думал, то не стал бы рисковать, (говоря это при мне)].

Во всех трех переводах логическая структура в целом сохранена (за исключением передачи элемента значения #2 – эксплицитного указания на неосторожность поведения Гурта, которое выражено прилагательным ‘*rash*’), однако для передачи смысла идиомы, точного эквивалента которой в русском языке не существует, переводчики выбрали разные стратегии.

Бекетова и Щеголев в своих вариантах решили прибегнуть к дословному переводу: ‘*putting thy head into my mouth*’ – «совать свою голову в мою глотку». Если для читателя оригинала, знакомого с идиоматикой английского языка, игра слов очевидна, то для русскоязычного читателя смысл данной фразы может представляться несколько неопределенным. С другой стороны, сохраняется образность авторского языка.

В переводе Владимирова применен прием демегафоризации: смысл идиомы раскрыт без применения средств языковой выразительности, вследствие чего теряется яркость и образность речи оригинала, значение сужается, поскольку русскоязычному читателю предлагается готовый однозначный вариант интерпретации. Однако у читателя не возникает сомнений в понимании смысла фрагмента.

Таким образом, в качестве *инвариантной составляющей* перевода в данном примере выступает логико-семантическая структура, или содержание сообщения, которое (пусть и с определенными потерями) сохраняется во всех

вариантах перевода после межъязыковой трансформации, поскольку является условием осуществления лингвистической трансформации как таковой (Колшанский 2012: 235-236).

Вариативность в переводе проявляется на уровне поверхностных структур, или средств выражения, которые использует каждый из переводчиков для передачи инвариантной логико-семантической структуры. Вариативность средств выражения рассматриваемого фрагмента представлена в таблице ниже (X – отсутствует):

Скотт	Бекетова	Щеголев	Владимиров
<i>I know</i>	<i>По всему видно</i>	<i>Я знаю</i>	<i>Я знаю</i>
X	<i>что</i>	<i>что</i>	<i>что</i>
<i>thou thinkest me a fool</i>	<i>ты считаешь меня дураком</i>	<i>ты считаешь меня дурачком</i>	<i>ты считаешь меня глупцом</i>
<i>or</i>	<i>иначе</i>	<i>иначе</i>	<i>иначе</i>
<i>thou</i>	X	X	<i>ты</i>
<i>wouldst not be</i>	<i>не стал бы</i>	<i>не стал бы</i>	<i>не был бы</i>
<i>so rash</i>	X	X	X
<i>in putting thy head into my mouth</i>	<i>совать свою голову в мою глотку</i>	<i>совать свою голову в мою глотку</i>	<i>со мною так откровенен</i>

Как можно видеть из таблицы, вариативность в данном фрагменте характерна не только для интересующих нас в первую очередь стилистически маркированных элементов – лексемы ‘*fool*’ с выраженной отрицательной коннотацией и фразы ‘*putting thy head into my mouth*’, построенной на игре слов с использованием устойчивого словосочетания. Помимо этого наблюдается вариативность перевода глагола-сказуемого мыслительной деятельности ‘*know*’ в сочетании с местоимением-подлежащим главного предложения ‘*I*’, а также вариативное опущение в переводах личного местоимения «ты», дублирующего подлежащее придаточного изъяснительного «*что ты считаешь...*», что, в отличие от английской, допускается грамматической системой русского языка.

Пример 2.

Контекст: На вопрос Седрика Саксонца, почему его приемная дочь леди Ровена опаздывает к столу, служанка отвечает, что ее госпожа должна сменить промокшую от дождя одежду, замечая при этом, что леди Ровена одевается быстрее любой из местных дам, на что следует реакция Седрика.

<i>This undeniable argument produced a sort of acquiescent 'Umph!' on the part of the Saxon... (Скотт, стр. 37).</i>		
<i>Такой неопровержимый довод как будто удовлетворил Саксонца, который в ответ промычал что-то нечленораздельное... (Бекетова, стр. 50).</i>	<i>На эту непреложную истину саксонец ответил лишь утвердительным мычаньем... (Щеголев, стр. 28).</i>	<i>Это неопровержимое доказательство вызвало у сакса некоторого рода успокоительное «гм!»... (Владимиров, стр. 32).</i>

В данном фрагменте основная задача переводчиков – подобрать эквивалент для междометия ‘*Umph!*’ в русском языке или передать его значение, исходя из контекста, таким образом, чтобы ситуация была понятна русскоязычному читателю.

Логическую структуру высказывания можно представить следующим образом:

1. Этот довод неопровержим.
2. Довод вызвал реакцию Саксонца.
3. Реакция была своего рода согласием.
4. Согласие выразилось мычанием «Хм!»].

В общем, содержание сообщения заключается в существовании причинно-следственной связи между изложением ранее упомянутого в тексте неопровержимого довода (необходимость переодеться и быстрота леди Ровены) – *темой* предложения – и согласным мычанием Седрика – *ремой*.

Данная логическая структура сохранена во всех вариантах перевода с большей или меньшей точностью передачи значения отдельных элементов

(например, спорный выбор эквивалента для ‘*acquiescent*’ в переводе Владимирова – «*успокоительный*»). Кроме того переводчики используют разные стратегии для передачи междометия ‘*Umph!*’ и описания ситуации в целом.

Бекетова и Щеголев прибегают к переводческой трансформации модуляции, или смыслового развития: реакция Седрика описывается как удовлетворение и нечленораздельное/утвердительное мычание в ответ на слова служанки, причем само междометие переводчики опускают. Согласно классификации В. Н. Комиссарова, данные варианты перевода можно признать эквивалентными на уровне идентификации ситуации.

Владимиров в своем варианте использует буквальный пословный перевод, копирующий лексико-грамматическую структуру оригинала, добиваясь эквивалентности на уровне лексического состава. В качестве эквивалента для междометия ‘*Umph!*’ переводчик выбирает русское «Гм!».

Данный пример подтверждает ранее сделанный вывод: логико-семантическая структура оригинальной фразы, сохраненная во всех вариантах перевода, *инвариантна*, тогда как *вариативная составляющая* представляет собой конкретные языковые средства, используемые каждым из переводчиков для передачи смысла исходного сообщения.

Скотт	Бекетова	Щеголев	Владимиров
<i>This</i>	<i>Такой</i>	<i>На эту</i>	<i>Это</i>
<i>undeniable</i>	<i>неопровержимый</i>	<i>непреложную</i>	<i>неопровержимое</i>
<i>argument</i>	<i>довод</i>	<i>истину</i>	<i>доказательство</i>
<i>a sort of</i>	<i>как будто</i>	<i>ответил лишь</i>	<i>некоторого рода</i>
<i>produced</i>	<i>удовлетворил;</i>	<i>утвердительным</i>	<i>вызвало</i>
<i>acquiescent</i> <i>'Umph!'</i>	<i>который в ответ</i> <i>промычал что-то</i> <i>нечленораздельное</i>	<i>мычаньем</i>	<i>успокоительное</i> <i>«гм!»</i>
<i>on the part of the</i> <i>Saxon</i>	<i>Саксонца</i>	<i>саксонец</i>	<i>у сакса</i>

В данном фрагменте вариативность вновь наблюдается при передаче значения всех компонентов исходного предложения, а не только интересующего нас междометия, что свидетельствует о свободе переводчика принимать собственное решение в выборе наиболее приемлемого варианта.

2.1.2. Перевод с русского языка на английский

Пример 3.

Контекст: Беседуя с Рогожиным и Лебедевым в поезде, князь Мышкин объясняет, что он один из последних представителей своего рода, к которому принадлежит также Епанчина. По словам самого Мышкина, получается «довольно, впрочем, плохой, каламбур».

<p><i>Да вот не знаю, каким образом и генеральша Епанчина очутилась тоже из княжон Мышкиных, тоже последняя в своем роде... (Достоевский, стр.7).</i></p>		
<p><i>'I've no idea how Madame Yepanchina came to be a Princess Myshkina, last of her kind as well'... (Майерс, стр. 7).</i></p>	<p><i>... 'yet General Yepanchin's wife was somehow Princess Myshkin; she was the last of her lot, too'... (Гарнетт, стр. 7).</i></p>	<p><i>I'm not entirely sure how it is that Madame Yepanchina came to be a Myshkin, also the last of her line, if you follow my line, so to speak... (Эвси, стр. 9).</i></p>

В оригинале обыгрывается многозначность лексемы «род»:

- ЛСВ-2 – ряд поколений, происходящих от одного предка;
- ЛСВ-4 – сорт, разновидность, обладающая каким-нибудь качеством или свойством (по словарю Д. Н. Ушакова).

Таким образом, в первом, прямом значении «последняя в своем роде» – последняя из дворянского рода Мышкиных; во втором значении фраза перекликается с устойчивым словосочетанием «единственный в своем роде» ≈ уникальный, исключительный, которое может употребляться как в прямом смысле, так и в переносном, иронически. Князь добавляет частицу «тоже», т. е. относит себя и Епанчину к одному классу, имея в виду свои родственные связи с генеральшей, а поскольку он уже успел признаться в своей болезни и произвести на попутчиков впечатление «дурачка», то для них фраза «тоже

последняя в своем роде» приобретает дополнительный иронический подтекст.

При разложении на более мелкие предложения-трансформы логическая структура высказывания выглядит следующим образом:

- I. Я не знаю: [1. Как Епанчина тоже оказалась последней из рода Мышкиных?
+ 2. Как Епанчина тоже оказалась единственной в своем роде, исключительной?]

Можно сказать, что в переводах Майерса и Гарнетт логическая структура сохранена, поскольку отвлеченные существительные *'kind'* и *'lot'* обозначают класс родственных объектов (в т. ч. людей), который может соотноситься с родом в значении «ряд поколений», а сочетание с *'the last of'* передает значение исключительности, близкое смыслу русского выражения «единственный в своем роде».

Эвси в своем варианте перевода для передачи значения русского «род» использует лексему *'line'*, которая в данном контексте обозначает сменяющие друг друга во времени поколения. Значение исключительности, заложенное в оригинальной фразе, теряется. Кроме того переводчик добавляет отсутствующее в оригинале уточнение *'if you follow my line, so to speak'*. Таким образом, в данном варианте перевода передано только прямое значение (I.1), игра слов и связанный с ней дополнительный смысл теряются. Логико-семантическая структура оригинала передана не полностью.

Итак, можно сделать вывод, что в вариантах перевода рассматриваемого фрагмента *инвариантом* является логико-семантическая структура, поскольку именно она представляет собой то общее, что в разной степени объединяет между собой все три перевода и оригинал. По полноте передачи инварианта можно судить о точности перевода. В данном случае перевод Эвси, в котором логическая структура передана лишь наполовину, так как утрачен переносный смысл, создающий особый, иронический

подтекст, следует признать менее удачным, чем переводы Майерса и Гарнетт.

В качестве *вариантов* общей логико-семантической структуры выступают средства выражения, причем вариативность в переводе проявляется при передаче смысла каждого из элементов предложения оригинала – от игры слов в интересующей нас фразе («*тоже последняя в своем роде*») до имен собственных и титулов героев («*генеральша Епанчина*», «*из княжон Мышкиных*»):

Достоевский	Майерс	Гарнетт	Эвси
<i>Да вот не знаю</i>	<i>I've no idea</i>	<i>yet... somehow</i>	<i>I'm not entirely sure</i>
<i>каким образом</i>	<i>how</i>	<i>somehow</i>	<i>how it is that</i>
<i>и генеральша Епанчина</i>	<i>Madame Yepanchina</i>	<i>General Yepanchin's wife</i>	<i>Madame Yepanchina</i>
<i>очутилась</i>	<i>came to be</i>	<i>was</i>	<i>came to be</i>
<i>тоже из княжон Мышкиных</i>	<i>a Princess Myshkina</i>	<i>Princess Myshkin</i>	<i>a Myshkin</i>
<i>тоже</i>	<i>as well</i>	<i>too</i>	<i>also</i>
<i>последняя в своем роде</i>	<i>last of her kind</i>	<i>she was the last of her lot</i>	<i>the last of her line</i>
X	X	X	<i>if you follow my line, so to speak</i>

2.2. Грамматическое соответствие при переводе

В данном разделе мы рассмотрим грамматическую структуру фрагментов художественного текста и проанализируем, насколько она сохраняется/изменяется в переводе.

2.2.1. Перевод с английского языка на русский

Пример 4.

Контекст: Увлечшись рассказом пилигрима о ратных подвигах английских рыцарей в Палестине, в том числе об их победах над несколькими из присутствующих, Седрик Саксонец не замечает, что один из его гостей-норманнов едва сдерживает ярость.

[*Cedric, (whose feelings were all of a right onward and simple kind, and were seldom occupied by more than one object at once), omitted... to remark the angry confusion of his guest*] (Скотт, стр. 60).

[Но простой и прямодушный Седрик, (который не мог одновременно думать о разных вещах), ... не заметил гневного смущения своего гостя] (Бекетова, стр. 64).

[Но Седрик, /в простоте своего прямодушного нрава не умевший заниматься зараз несколькими предметами/, ... даже не заметил гневного смущения своего гостя] (Щеголев, стр. 45).

[Седрик, (чувства которого были просты, чистосердечны и редко заняты зараз многими предметами),... не заметил гневного смущения своего гостя] (Владимиров, стр. 56).

В данном фрагменте, в соответствии с классификацией Е. С. Петровой (Петрова 2002: 46), автор использует сложноподчиненное предложение с атрибутивным дескриптивным придаточным (*attributive limiting descriptive clause*), в котором дается характеристика героя, объясняющая его поведение: Седрик не заметил смущения гостя, потому что, будучи простым и прямым человеком, редко концентрировался на нескольких предметах одновременно.

Смысл фрагмента передан во всех вариантах перевода, однако, грамматическая структура максимально полно сохранена только в переводе Владимирова. В данном варианте перевода, как и в оригинале, определительное (по классификации в русском языке) придаточное зависит от подлежащего главного предложения «Седрик»; основой придаточного выступает существительное «чувства» с тремя однородными сказуемыми «были просты, чистосердечны и редко заняты». Таким образом, переводчику в данном случае удалось избежать грамматических трансформаций при передаче значения оригинала.

В варианте перевода Бекетовой произведена замена членов предложения: сказуемые придаточного ‘*were of onward and simple kind*’ выносятся в главное предложение, становясь определениями подлежащего «Седрик» – «простой и прямодушный». В определительном придаточном использован прием модуляции: «чувства Седрика были редко заняты

несколькими предметами» => «*который (Седрик) не мог думать о разных вещах*».

В переводе Щеголева грамматическая структура оригинала упрощена до простого предложения, осложненного распространенным причастным оборотом – «*не умевший заниматься несколькими предметами*», а также произведена еще одна замена членов предложения: подлежащее и первые два из однородных сказуемых придаточного оригинала ‘*feelings were of onward and simple kind*’ в переводе становятся обстоятельством – «*в простоте своего прямодушного нрава*».

Таким образом, наблюдается значительное различие в грамматической структуре оригинала и вариантов перевода, поэтому можно сделать вывод, что грамматическая структура относится к *вариативной составляющей* перевода, и полнота ее передачи зависит как от выбранной переводчиком стратегии, так и от особенностей грамматики исходного языка и языка перевода.

2.2.2. Перевод с русского языка на английский

Пример 5.

Контекст: В поисках сбежавшей Настасьи Филипповны князь Мышкин приходит к Рогожину, в котором на всем протяжении повествования борются противоречивые чувства, что и отражается на его лице.

[*Легкая улыбка на лице его не шла к нему в эту минуту*], (*точно в этой улыбке что-то сломалось*), и (*как будто Парфен никак не в силах был склеить ее*), (*как ни пытался*) (Достоевский, стр. 213).

[*The affectionate smile on his face at that moment did not ring true*]; [*it was as if something had broken and he did not have the strength to stick it back together again*], (*no matter how hard he tried*) (Майерс, стр. 216).

[*The friendly smile on his face was very unbecoming to him at that moment*], (*as though there were something disjointed in it*), and (*however much he tried*) (*he could not put it together*) (Гарнетт, стр. 185).

[*He was affecting a benign smile*], [*but it did not become him at that moment*]. [*It was as if it had got suppressed and Parfyon was vainly trying to restore it*] (Эвсу, стр. 213).

В данном примере автор использует сложноподчиненное предложение с двумя однородными сравнительными придаточными и одним уступительным.

В переводе Майерса происходит слияние двух сравнительных придаточных, между частями предложения происходит замена на бессоюзную связь, придаточное уступительное сохраняется. Для передачи значения подобия, выраженного в придаточных русскими «точно» и «как будто», переводчик прибегает к вводному подлежащему ‘it’ (*introductory it*), сопровождаемому однородными сказуемыми ‘*was as if something had broken*’ и ‘*was as if he did not have the strength*’...

В переводе Гарнетт грамматическая структура оригинала максимально сохранена, изменен только порядок придаточных: придаточное уступительное не в конце, а следует за первым из однородных сравнительных придаточных. Также происходит замена членов предложения: для передачи неопределенности «точно... что-то сломалось» используется подставное подлежащее ‘there’ (*dummy subject*), а логическое подлежащее ‘something disjointed’ входит в состав составного именного сказуемого.

В варианте перевода Эвси грамматическая структура наиболее отличается от оригинала. Происходит членение авторского предложения: смысл главного предложения оригинала «улыбка... не шла к нему» передается сложносочиненным предложением с противительной связью (*adversative coordination*), а придаточных сравнительных – простым предложением с однородными сказуемыми ‘*was as if it had got suppressed*’ и ‘*was as if Parfyon was vainly trying to restore it*’. Смысл придаточного уступительного «как ни пытался» передан в переводе наречием ‘*vainly*’ в сочетании с глагольной формой ‘*was trying*’. Кроме того в данном варианте перевода происходит смена членов предложения, которая сопровождается также сменой *семантических ролей*, или *надежей*: подлежащее-субъект главного предложения в оригинале, то, о чем говорится в предложении, а именно «легкая улыбка» Рогожина (по определению А. Мустайоки, *субъект-*

нейтрал, не участвующий в ситуации; Мустайоки 2003: 125) в переводе становится дополнением-объектом, выполняющим роль *пациенса* (то, что претерпевает изменение), в то время как в роли подлежащего-субъекта *агенса* (инициатор действия) выступает личное местоимение 'he', относящееся к Рогожину. Подобный семантический сдвиг неизбежно влечет за собой значительное искажение смысла: данная у автора отвлеченная характеристика улыбки героя («не шла к нему») интерпретируется переводчиком как результат целенаправленного усилия Рогожина, намеренного и полностью осознаваемого притворства ('*He was affecting*'), что соответствующим образом влияет на восприятие читателем данного персонажа, способствуя созданию образа, неидентичного таковому в оригинале произведения, поэтому вариант перевода Эвси следует признать неудачным.

Анализ данного примера подтверждает выводы, сделанные в конце предыдущего параграфа (2.2.1.), а также в конце первого раздела главы (2.1.): грамматическая структура в переводе нередко значительно отличается от оригинала, а значит, *вариативна*. *Инвариантна* именно семантика, и от степени ее передачи в переводе зависит его точность.

2.3. Прагматическое соответствие при переводе

В данном разделе мы рассмотрим передачу прагматического компонента значения оригинала в переводе.

2.3.1. Перевод с английского языка на русский

Пример 6.

Контекст: Описание еврейки Ревекки в ее первое появление на рыцарском турнире.

<p><i>...of the golden and pearl-studded clasps which closed her vest from the throat to the waist, the three uppermost were left unfastened on account of the heat, which something enlarged the prospect to which we allude ... (Скотт, стр. 97)</i></p>		
<p><i>Ее платье было застегнуто жемчужными запонками;</i></p>	<p><i>...из числа жемчужных запонок, которыми</i></p>	<p><i>...из числа золотых, унизанных жемчугом</i></p>

<p>три верхние запонки были расстегнуты, так как день был жаркий... (Бекетова, стр. 85)</p>	<p>застегивалось ее платье от горла до пояса, три верхние были расстегнуты из-за жаркой погоды, что позволяло рассмотреть ее прелести несколько более подробно... (Щеголев, стр. 70)</p>	<p>пряжек, застегивавших грудь Ревеки от шеи до пояса, три самые верхние были расстегнуты вследствие жара, и представляли любопытным взорам верхнюю часть прелестной груди... (Владимиров, стр. 70)</p>
---	--	---

Исходя из контекста, в оригинальном фрагменте под фразой ‘*which something enlarged the prospect to which we allude*’ – «что несколько увеличивало возможность того, на что мы намекаем» – автор имеет в виду, что расстегнутые запонки на платье Ревекки позволяли увидеть чуть больше тела девушки, чем было принято открывать в те времена. Можно предположить, что цель автора здесь – вовлечь читателя в игру, привлекая внимание несколько эротичным намеком, заставить работать его воображение, чтобы желающие могли по-своему додумать, как выглядела героиня.

В переводах Щеголева и Владимирова прагматика исходного фрагмента в целом сохранена, но с использованием приема экспликации: игривый намек автора заменяется пояснением смысла фразы в оригинале – более (Владимиров) или менее подробным (Щеголев).

В варианте перевода Бекетовой исходная прагматика утрачена, т. е. прагматический элемент значения перевода отличается от такового в оригинале – упоминание о возможности полюбоваться на грудь Ревекки полностью опущено. Возможно, это произошло по инициативе редактора или цензора, а не переводчика, поскольку в используемом нами издании текст напечатан с издания Государственного издательства детской литературы. Это позволяет предположить, что цель переводного текста – соответствовать потребностям целевой аудитории, а именно детей и подростков, для которых

намек автора оригинала сочли слишком «взрослым». В данном случае коммуникативная ситуация, в которой возраст целевой аудитории оригинала и перевода различается, определяет стратегию перевода (либо его последующей редакции), в связи с чем можно говорить об адаптации перевода.

Таким образом, прагматический компонент значения, а именно прагматика текста, обусловленная авторской интенцией, *вариативна* и не обязательно входит в инвариантную составляющую перевода, поскольку прагматика исходного текста и текста перевода может различаться. Это тот случай, когда цель, или *скопос* перевода играет решающую роль для выбора переводческой стратегии.

2.3.2. Перевод с русского языка на английский

Пример 7.

Контекст: Умиравший от чахотки Ипполит Герентьев, замысливший покончить жизнь самоубийством, хочет прочитать свою исповедь и призывает гостей князя Мышкина не расходиться и не ложиться спать до восхода солнца, которое он надеется увидеть в последний раз.

– Как только солнце покажется и «зазвучит» на небе (кто это сказал в стихах: «на небе солнце зазвучало»? Бессмысленно, но хорошо!) – **так мы и спать** (Достоевский, стр. 386).

<p>'As soon as the sun rises and "resounds" in the sky (who was it wrote "in the sky the sun resounded"? It makes no sense but it's grand!) – then I'll go to sleep' (Маїєрс, стр. 391).</p>	<p>'As soon as the sun shows itself and "resounds" in the sky (who was it wrote the verse, "the sun resounded in the sky"? There is no sense in it, but it's good) then we'll go to bed' (Гарнетт, стр. 336).</p>	<p>'As soon as the sun looks out and... "intones" in heaven... (Who was it who said in verse, "The sun intones in heaven"? Doesn't make sense, but it's altogether brilliant!) And all you know is sleep!' (Эвси, стр. 389).</p>
---	--	---

В соответствии с теорией речевых актов, разработанной Дж. Остином и Дж. Серлем, высказывание Ипполита в оригинале можно отнести к *косвенным речевым актам*, поскольку герой подразумевает нечто большее

чем то, что он говорит, т. е. первичная, истинная коммуникативная цель фразы отличается от вторичной, лежащей на поверхности коммуникативной цели, которую можно вывести напрямую из формы выражения, или *локуции*. Прагматический компонент смысла данного высказывания содержит два элемента:

1. Прямое значение, или *буквальная иллокуция*, которая представляет собой утверждение о намерении группы лиц, включающей говорящего («мы»), лечь с восходом солнца. В соответствии с таксономией Дж. Серля, в этом значении речевой акт классифицируется как *репрезентатив*.
2. Истинное, глубинное значение, или *первичная иллокуция*, которую можно вывести из описанной коммуникативной ситуации, взятой в более широком контексте, – намерение упрощить, убедить слушателей, объединенных с говорящим в группу «мы», действовать согласно буквальному смыслу высказывания; по Дж. Серлю – *директив* (Серль 1986: эл. ресурс).

В переводе Майерса высказывание Ипполита теряет свою оригинальную прагматику вследствие изменения семантики фразы – личное местоимение множественного числа «мы», включающее слушателей, заменено на местоимение единственного числа ‘I’, которое относится только к самому говорящему. В результате этого иллокутивное значение директива, присутствующее в оригинале, исчезает в переводе, и у фразы остается единственное буквальное значение репрезентатива – констатация намерения говорящего.

В переводе Гарнетт семантика высказывания передана более точно, поэтому прагматика исходного фрагмента сохраняется – можно выделить как буквальное, так и первичное, истинное иллокутивное значение – попытку Ипполита убедить присутствующих не уходить и выслушать его исповедь.

В варианте перевода Эвси, как и у Майерса, наблюдается семантическое несоответствие, которое, влечет за собой утрату не только первичного, но и буквального иллокутивного значения оригинала. Логика фразы нарушена, так как переводчик заменяет главную часть исходного предложения, в которой выражено намерение присутствующих лечь спать, на отдельное простое предложение, содержащее упрек в излишней заботе о сне (*'And all you know is sleep!'*), так что в переводе предложение оказывается неоконченным.

Таким образом, можно сделать вывод, что в случае совпадения прагматики перевода и оригинала прагматическое соответствие в переводе обусловлено верной передачей логико-семантической структуры исходного высказывания, поэтому прагматический компонент значения оригинала как таковой *нельзя назвать инвариантным*.

2.4. Стилистическое соответствие при переводе

В данном разделе будет рассмотрен стиль фрагментов перевода в сравнении со стилем оригинала.

2.4.1. Перевод с английского языка на русский

Пример 8.

Контекст: Увидев Ревекку на рыцарском турнире, принц Джон спрашивает ее отца Исаака, кем ему приходится эта очаровательная девушка.

'What is she, Isaac? ... that Eastern houri that thou lockest under thy arm as thou wouldst thy treasure-casket?' (Скотт, стр. 98).

<p>— Эй, Исаак, это кто такая?.. Что это за восточная гурия, которую ты держишь подмышкой, точно это шкатулка с твоей казной? (Бекетова, стр. 85).</p>	<p>— Эй, Исаак, это кто такая?.. Что это за гурию Магометова рая ты держишь подмышкой, точно это шкатулка с твоей казной? (Щеголев, стр. 70).</p>	<p>— Кто она, Исаак... эта восточная гурия, которую ты держишь под руку, как будто ящик с своей казной? (Владимиров, стр. 71).</p>
--	---	--

В данном фрагменте присутствует образное ироничное сравнение девушки со шкатулкой с драгоценностями – дочь так же дорога Исааку, и он так же крепко держит ее под руку, прижимая к себе.

В переводах Бекетовой и Щеголева сохранены игривость и ироничность авторского стиля. Дополнительный комический эффект создается благодаря переводу *'lockest under thy arm'* как «держишь подмышкой», словосочетание, которое в русском языке чаще используется для описания способа переноски неодушевленных предметов.

В переводе Владимирова возникает проблема лексической сочетаемости, поскольку получается, что словосочетание «держишь под руку» относится не только к девушке, но и к шкатулке. В результате этого, несмотря на то, что смысл исходного фрагмента передан верно, сравнительный оборот передан неудачно, что нарушает стилистику исходного текста.

Таким образом, даже в случае верной передачи содержания исходного сообщения авторский стиль не всегда сохраняется в переводе, поэтому стилистический компонент можно отнести к *вариативной составляющей* перевода.

Пример 9.

Контекст: Де Браси и Вальдемар Фицурс, соратники захватившего престол в отсутствие Ричарда Львиное Сердце принца Джона, критикуют своего патрона у него за спиной.

'Of Prince John thou thinkest as I do — that he is too weak to be a determined monarch, too tyrannical to be an easy monarch, too insolent and presumptuous to be a popular monarch, and too fickle and timid to be long a monarch of any kind' (Скотт, стр. 206).

– А о принце Джоне мы одного мнения. Он слишком слабый человек, чтобы **стать решительным монархом**, слишком самонадеян и дерзок, чтобы **стать популярным монархом**, и слишком неустойчив и робок, чтобы **стать**

– Насчет принца Джона ты того же мнения, что и я: именно, что он слишком слабый человек, чтобы **стать настоящим монархом**, и слишком деспотичен, чтобы **при нем легко жилось на свете**, слишком самонадеян и дерзок, чтобы **приобрести**

<i>монархом на долгое время</i> (Бекетова, стр. 151).	<i>популярность, и притом так неустойчив и робок, что во всяком случае недолго усидит на престоле</i> (Щеголев, стр. 143).
---	--

В данном фрагменте автор использует ряд параллельных синтаксических конструкций с повторением существительного ‘*monarch*’ с разными определениями (*he is too + adj. to be + adj. monarch*), чтобы подчеркнуть, что с какой бы стороны приближенные принца Джона не пытались представить гипотетически его пребывание на престоле, данная перспектива не сулит им ничего хорошего. Эффект усиливается, благодаря отрицательной коннотации прилагательных, использованных для характеристики принца: ‘*weak*’, ‘*tyrannical*’, ‘*insolent*’, ‘*presumptuous*’, ‘*fickle*’, ‘*timid*’.

В переводе Бекетовой переводчик жертвует элементом смысла ради сохранения авторского стиля: элемент ‘*too tyrannical to be an easy monarch*’ опущен, поскольку в русском языке смысл словосочетания ‘*easy monarch*’ сложно выразить одним прилагательным, а попытка развернутого описания нарушила бы стиль фрагмента, поэтому переводчику пришлось искать компромиссное решение.

В переводе Щеголева, наоборот, смысл передан более полно, однако стиль несколько изменен: при сохранении параллелизма утрачены эффектные лексические повторы и лаконичность оригинала. Переводчик прибегает к приему экспликации, развертывая смысл словосочетаний ‘*easy monarch*’, ‘*popular monarch*’, а также использует модуляцию в случае с ‘*belong a monarch*’ – «недолго усидит на престоле».

Таким образом, можно заключить, что стиль относится к *вариативной составляющей* перевода и степень его передачи зависит от стратегии переводчика, его мастерства и творческого подхода, а также личного восприятия текста оригинала.

2.4.2. Перевод с русского языка на английский

Пример 10.

Контекст: Князь Мышкин становится свидетелем ссоры в семействе Иволгиных, в конце концов, не выдерживает колкого замечания раздраженного Гани и выходит из комнаты.

*Князь обернулся было в дверях, чтобы что-то ответить, но, увидев по болезненному выражению лица своего обидчика, что тут только **недоставало той капли, которая переполняет сосуд**, повернулся и вышел молча (Достоевский, стр. 103).*

*The prince turned in the doorway to make some reply, but realizing from the contorted face of his tormentor that only **one more drop was needed to make the cup run over**, he turned back and went out in silence (Майерс, стр. 107).*

*Myshkin looked round at the door to answer the insult, but seeing from Ganya's exasperated face that **another word would be too much for him**, he turned and went out in silence (Гарнетт, стр. 91).*

*The Prince hesitated in the doorway to think of something to say, but one glance at his tormentor's face told him that **all that was needed was one last straw to break the camel's back**, and he left without saying a word (Эвси, стр. 104-105).*

Стилистика исходного предложения интересна в первую очередь тем, что в нем использовано несколько измененное устойчивое сочетание *последняя капля (которая переполняет чашу терпения)*.

Ближе всего к оригиналу перевод Майерса, в котором используется точный английский эквивалент этого фразеологизма – поговорка *'The last drop is what makes the cup run over'*. Данный вариант перевода позволяет сохранить не только образность авторского языка в рассматриваемом фрагменте, но и конкретные детали, а именно образ переполняемой чаши.

В переводе Гарнетт использован прием *деметафоризации*, т. е. смысл авторской метафоры передается без опоры на средства языковой выразительности, образность оригинала теряется.

Эвси выбирает другую стратегию – трансформацию *реметафоризации*, подразумевающую замену фразеологизма языка оригинала близким или

идентичным по значению фразеологизмом языка перевода: *'It is the last straw that breaks the camel's back'*.

Вариативность в способе передачи авторской стилистики, наблюдаемая на этом примере, демонстрирует, что стилистическое соответствие относится к *вариативной составляющей* перевода.

Пример 11.

Контекст: После скандала, вызванного появлением Настасьи Филипповны в доме Иволгиных, князь удаляется в свою комнату, а Коля приходит его утешить.

– <i>Это вы хорошо, что ушли, – сказал он [Коля]...</i>		
– <i>Тут у вас много разного наболело и naroslo, Коля, – заметил князь (Достоевский, стр. 122).</i>		
<i>'You were right to come away', he said...</i>	<i>'You've done well to come away', he said...</i>	<i>'You did well to leave', he said...</i>
<i>'You've got all sorts of extremely painful problems here, Kolya', the prince remarked (Майерс, стр. 125).</i>	<i>'There are so many sources of distress in your family, Kolya', Myshkin observed (Гарнетт, стр. 107).</i>	<i>'There are lots of running sores in this house, Kolya', the Prince observed (Эвси, стр. 122).</i>

В оригинальном предложении используются однородные глаголы-сказуемые в безличной форме, взятые в переносном значении («наболело и naroslo»), что делает фразу неопределенной и точной, емкой одновременно. Не называются ни участники проблемной ситуации, ни конкретные события, но дается ее общая смягченная характеристика, которая, как нам представляется, соответствует образу говорящего – князя Мышкина, человека мягкого, неспособного обвинить или осудить кого бы то ни было. Кроме того переносное значение глаголов делает фразу яркой и образной, являясь выражением особого, авторского стиля.

В варианте перевода Майерса авторский стиль теряется, поскольку для передачи смысла сказуемых используется довольно распространенное в повседневной речи слово *'problems'* в прямом значении. В переводе фразы

становится ничем не примечательной и плоской, хотя ее смысл передан верно.

Почти то же самое можно сказать про перевод Гарнетт, в котором также утрачена образность оригинала, только использована менее частотная лексема *'distress'*, обозначающая в данном контексте высокую степень беспокойства, горя или боли.

Перевод данного фрагмента у Эвси следует признать наиболее удачным из трех в плане воспроизведения авторского стиля. Для передачи смысла использованных в переносном значении однородных сказуемых «наболело и narosло» переводчик выбирает словосочетание *'running sores'*, взятое в переносном значении по аналогии с оригиналом, что позволяет сохранить образность фразы.

Таким образом, сделанный ранее вывод о *вариативности* стилистического соответствия при переводе подтверждается.

2.5. Культурологическое соответствие при переводе

В данном разделе мы рассмотрим передачу в переводах значения культурно-специфической лексики оригинала.

2.5.1. Перевод с английского языка на русский

Пример 12.

Контекст: Шут Вамба и свинопас Гурт обсуждают тяжелую жизнь англосаксов после нормандского завоевания. Вамба обращает внимание Гурта на то, что для обозначения свиней и коров, за которыми ухаживают слуги-саксы, используются английские слова, а для обозначения их мяса, которое попадает на стол норманнов, – норманнские.

'The swine turned Normans to my comfort!' quoth Gurth; 'expound that to me, Wamba, for my brain is too dull and my mind too vexed to read riddles.'

'Why, how call you those grunting brutes running about on their four legs?' demanded Wamba.

'Swine, fool — swine,' said the herd; 'every fool knows that.'

'And swine is good Saxon,' said the Jester; 'but how call you the sow when she is fayed, and drawn, and quartered, and hung up by the heels, like a traitor?'

<i>'Pork,' answered the swineherd (Скотт, стр. 10).</i>		
<p>– Как же так – свиньи, к моему утешению, превратятся в норманнов? – сказал Гурт. – Объясни мне это, Вамба, а то я сейчас не в состоянии отгадывать загадки.</p> <p>– Ну, как называются эти хрюкающие твари, что разбегаются от тебя во все стороны? – спросил Вамба.</p> <p>– Суайн, дурак, суайн! – отвечал пастух, – это всякому дураку известно.</p> <p>– «Суайн» – слово саксонское, – сказал шут, – Ну а как же ты назовешь свинью, когда она зарезана, ободрана, рассечена на части и повешена за ноги, как изменник?</p> <p>– Порк, – отвечал свинопас (Бекетова, стр. 34).</p>	<p>– Как это – свиньи превратятся в норманнов? – сказал Гурт. – Объясняйся понятнее, Вамба, а то я так оступел, и такая меня досада разбирает, что не могу теперь загадки отгадывать.</p> <p>– Ну, как называются эти хрюкающие звери, что разбегаются от тебя на четырех ногах? – спросил Вамба.</p> <p>– Свиньи, дурак, свиньи, – отвечал пастух, – это всякому дураку известно.</p> <p>– Притом свиньи – хорошее слово, саксонское, – сказал шут, – а как же ты назовешь ее, когда она зарезана, ободрана, рассечена на части и повешена за ноги как изменник?</p> <p>– Ветчиной, – отвечал свинопас (Щеголев, стр. 9).</p>	<p>– Свиньи превратятся в норманнов к моему удовольствию! – сказал Гурт. – моя голова так пуста, а ум так утомлен, что я ввек не пойму этой загадки; растолкуй, Вамба.</p> <p>– Изволь! Как ты называешь эту хрюкающую скотину, бегающую здесь на четвереньках? – спросил Вамба.</p> <p>– Свиньей (swine), шут, свиньей, – отвечал пастух, – кто же этого не знает?</p> <p>– Ведь это слово чисто саксонского происхождения, – сказал шут. – А как называют свинью, когда сдерут с нее кожу, распотрошат, разрубят на четверо и повесят за ноги, как изменника?</p> <p>– Свининой (pork), – отвечал Гурт (Владимиров, стр. 12).</p>

В данном отрывке автор апеллирует к этимологии лексем 'swine' и 'pork' для того, чтобы проиллюстрировать социальное расслоение в средневековой Англии:

- ‘*Swine*’, «свинья» – происходит от староанглийского ‘*swin*’ – «свинья», «боров», «дикий кабан» < прото-герм. **swinan* < праиндоевроп. **su-* – «свинья»;
- ‘*Pork*’, «мясо свиньи, свинина» – от старофранцузского ‘*porc*’ – «свинья»; в употреблении примерно с XIII в., т. е. появилось после нормандского завоевания < лат. ‘*porcus*’ < праиндоевроп. **porko-* – «молодая свинья».

Передача культурно-специфической, в том числе диалектной лексики в переводе всегда вызывает особую трудность, поскольку в переводящем языке невозможно найти однозначного соответствия. В данном случае переводчики прибегают к разным приемам для передачи различия между английским ‘*swine*’ и норманнским ‘*pork*’.

В переводе Бекетовой это транскрипция, которая позволяет передать национальный колорит, не затрудняя понимание, так как значение слов понятно из контекста.

Щеголев в своем переводе пытается найти функциональный аналог, используя слово «свинья» для ‘*swine*’ и слово «ветчина» для ‘*pork*’. Тем не менее, и «свинья», и «ветчина» русские по происхождению, поэтому в данном варианте перевода теряется не только национальный колорит, но и диалектное различие, на котором выстраивается весь эпизод.

В переводе Владимирова помимо русского значения в скобках дается оригинальное написание слов, что позволяет передать национальный колорит, однако требует от читателя определенной лингвистической подготовки.

Таким образом, культурологическое соответствие в переводе однозначно *вариативно*, поскольку не существует единственно правильного общепринятого способа передачи культурно-специфической лексики, и каждый переводчик самостоятельно принимает решение о наиболее приемлемом варианте.

2.5.2. Перевод с русского языка на английский

Пример 13.

Контекст: Познакомившись с князем Мышкиным в поезде, Рогожин делает о нем вывод, учитывая слова князя о том, что он «совсем не знает женщин».

– Ну, коли так, – воскликнул Рогожин, – совсем ты, князь, выходишь **юродивый**, и таких, как ты, бог любит! (Достоевский, стр. 13).

<i>'Well, if that's so', Rogozhin exclaimed, 'you're an out-and-out holy fool, and God loves the likes of you!'</i> (Майерс, стр. 14).	<i>'Well, if that's how it is', cried Rogozhin, 'you are a regular blessed innocent, and God loves such as you' (Гарнетт, стр. 12).</i>	<i>'If that's so, Prince', Rogozhin exclaimed, 'you are truly a holy man, one of God's favoured!'</i> (Эвси, стр. 16).
---	--	---

В данном фрагменте Рогожин называет князя *юродивым*, обращаясь к культурному феномену, также известному на Руси как *юродство Христа ради*. Согласно толковому словарю Д. Н. Ушакова, *юродивый* – это христианский аскет-безумец или принявший вид безумца и обладающий, по мнению верующих, даром прорицания. В православной традиции *юродивый* приравнивается к святому, который с помощью вызывающего поведения – «похабства» – скрывает свое совершенство от мира и обличает людские пороки. Также *юродивым* называют от роду помешанного или просто глупого человека.

Исходя из того, что, по мнению исследователей-культурологов, феномен *юродства* в полной мере характерен исключительно для восточной ветви христианства и не представлен в католической традиции (Иванов 2005: 368) и тем более в англиканстве, можно заключить, что концепт *юродства* отсутствует в английской лингвокультуре, а, следовательно, является *лакуной*, которая заведомо представляет трудность при переводе.

С целью рассмотрения степени культурологического соответствия в переводе данного текстового фрагмента был проведен компонентный анализ, результаты которого представлены в таблице ниже.

	Достоевский	Майерс		Гарнетт		Эвси
лексемы	<i>юродивый</i>	<i>holy</i>	<i>fool</i>	<i>blessed</i>	<i>innocent</i>	<i>holy man</i>
семь	безумный	-	-	-	-	-
	дурачок	-	silly	-	simple	-
	чудаковатый	-	-	-	-	-
	безрассудный	-	imprudent	-	-	-
	христианин	connected with religion	-	connected with religion	-	connected with religion
	святой	saintly	-	saintly	-	saintly
	аскет	devoted to the service of God	-	devoted to the service of God	-	devoted to the service of God
	прорицание	-	-	-	-	-
	смирение	morally and spiritually excellent	-	morally and spiritually excellent	pure	morally and spiritually excellent
	бескорыстный		-			
	видимость безумия	-	-	-	-	-
	бег от мирской суеты	-	non-conformity in order to reveal spiritual truth	-	-	-
	самоуничтожение	-	-	-	-	-
	обличение пороков общества	-	-	-	-	-
	сокрытие своего совершенства	-	-	-	-	-

На основе словарных дефиниций лексемы «*юродивый*», взятых из толковых словарей русского языка, а также с опорой на дефиницию из культурологического словаря под редакцией А. И. Кравченко, выделяются семы [БЕЗУМНЫЙ] – [СОКРЫТИЕ СВОЕГО СОВЕРШЕНСТВА], представленные во втором столбце. С ними сопоставляются максимально близкие по значению семы, выделенные в результате анализа дефиниций из монолингвальных толковых словарей английского языка для эквивалентов лексемы «*юродивый*» (*'holy fool'*, *'blessed innocent'*, *'holy man'*), предложенных переводчиками (столбцы с третьего по пятый).

По результатам компонентного анализа наиболее полно передает значение оригинала перевод Майерса *'holy fool'*, в котором присутствуют 8 из 15 сем и отражена как религиозная составляющая, так и оценка с точки зрения нестандартного, нарочито вызывающего поведения в социуме.

В переводе Гарнетт *'blessed innocent'* было выделено 6 из 15 сем оригинала; религиозная составляющая передана, однако отсутствует отсылка к поведению, отличному от общественных приличий. Словосочетание несет преимущественно положительную окраску, за исключением семы [SIMPLE], что не соответствует коннотациям оригинальной лексемы, а, следовательно, не в полной мере передает культурологический компонент значения.

В переводе Эвси *'holy man'* сохранено только 5 из 15 сем и полностью отсутствуют отрицательные коннотации, связанные с нестандартным поведением или проявлением признаков сумасшествия. Данный перевод следует признать наименее удачным по степени передачи культурно-специфического значения, тем не менее, в контексте всей фразы эквивалент можно назвать приемлемым, поскольку его можно истолковать как в прямом, так и в переносном смысле – тогда высказывание будет нести в себе положительную оценку с оттенком насмешки, что и предполагается в оригинале.

Таким образом, мы еще раз убеждаемся в том, что передача культурологического компонента значения относится к *вариативной*

составляющей перевода, и даже в случае частичной утраты культурного элемента, возможно добиться эквивалентного перевода при сохранении в контексте фразы *инвариантной семантики* культурно-специфической лексики оригинала, в том числе коннотаций.

Пример 14.

Контекст: Ожидая приема у генерала Епанчина, князь Мышкин беседует с его камердинером, который начинает подозревать, что посетитель либо пришел «на бедность просить», либо «просто дурачок и амбиции не имеет».

<p><i>...опытный камердинер не мог не почувствовать что-то, что совершенно прилично человеку с человеком и совершенно неприлично гостю с человеком. А так как люди гораздо умнее, чем обыкновенно думают про них их господа, ... (Достоевский, стр. 19).</i></p>		
<p><i>The experienced servant could not fail to be aware that what was perfectly acceptable man to man was absolutely unacceptable between g u e s t and man. Since servants are a good deal brighter than their masters usually take them for... (Майерс, стр. 20).</i></p>	<p><i>... the experienced attendant could not but feel that what was perfectly suitable from man to man was utterly unsuitable from a visitor to a manservant. And since servants are far more intelligent than their masters usually suppose... (Гарнетт, стр. 17).</i></p>	<p><i>... the experienced valet could not but conclude that what could easily pass man to man, was totally inappropriate man to servant. And since servants are far sharper than their masters give them credit... (Эвсу, стр. 21).</i></p>

Автор выстраивает эпизод на игре слов: в первом случае слово «человек» употребляется в значении «человеческое существо, каждый из людей». Во втором случае (в оригинале выделено *курсивом*) имеется в виду дворовый человек, слуга. Именно так – «люди» во множественном, «человек», «мальчик», «девушка» в единственном числе – называли прислугу в дореволюционной России (Беловинский 2003: эл. ресурс). Помимо сложностей, традиционно возникающих при переводе игры слов и связанных с различиями языковых систем ИЯ и ПЯ, в данном фрагменте возникает дополнительная сложность из-за отсылки к историко-культурному контексту,

который может быть незнаком среднестатистическому англоязычному читателю. В данном фрагменте за счет игры слов подчеркивается острота закрепленного в языке противоречия между социальными условностями и идеей общечеловеческого равенства: стоящие выше по социальной лестнице, «господа», называют «людьми» слуг – таких же людей, как они.

Майерсу удастся наиболее полно передать в переводе не только авторскую игру слов, но и культурную составляющую: для «человека» в значении «слуга» он использует слово ‘*man*’, которое в английском языке также может называть прислугу (в толковых словарях это значение дается с пометой *dated/old-fashioned*), но для множественного числа «люди» переводчик оставляет однозначно интерпретируемое слово ‘*servants*’. Авторский курсив переносится на слово ‘*guest*’.

Гарнетт в своем переводе для обозначения слуги использует слово ‘*manservant*’, которое по звуковому составу частично совпадает со словом «человек» в английском и позволяет приблизиться к оригиналу в плане образности и закрепленного в языке историко-культурного контекста.

В переводе Эвси теряется авторская игра слов и культурологическая составляющая: противопоставление «гость» – «человек» в значении «слуга» передается как ‘*man*’ в значении «человек» – ‘*servant*’. Тем не менее, смысл фрагмента передан.

Таким образом, данный пример еще раз свидетельствует о *вариативности* культурологического соответствия в переводе.

Выводы

Во второй главе настоящего исследования проводится анализ фрагментов художественных произведений, содержащих образное описание, на предмет инвариантной и вариативной составляющих в текстах переводов. Анализ показывает, что *логико-семантическая структура*, или содержание сообщения после межъязыковой трансформации сохраняется во всех вариантах перевода, как с английского на русский, так и наоборот, и является *инвариантом*. По полноте передачи инвариантной логико-семантической структуры можно судить о точности перевода, т. е. нарушение инварианта свидетельствует о наличии переводческой ошибки или неточности, следовательно, неудачном переводе.

Поверхностные структуры, или средства выражения, в каждом переводе разные, т. е. относятся к *вариативной составляющей*. Вариативность в переводе может быть характерна не только для стилистически окрашенных образных описаний, перевода тропов и синтаксических фигур, игры слов и идиом оригинала, но и для стилистически нейтральных элементов, что свидетельствует о свободе переводчика принимать собственное решение в выборе наиболее приемлемого варианта.

В грамматической структуре оригинала и вариантов перевода наблюдается значительное различие, поэтому ее следует отнести к *вариативной составляющей* перевода, и полнота ее передачи зависит как от выбранной переводчиком стратегии, так и от особенностей грамматики исходного языка и языка перевода.

Прагматика текста, обусловленная авторской интенцией, *вариативна*, поскольку прагматика исходного текста и текста перевода может различаться в зависимости от особенностей коммуникативной ситуации с использованием перевода (КСП). В таких случаях цель, или *скопос* перевода играет решающую роль для выбора переводческой стратегии. В случае совпадения прагматики оригинала и перевода прагматическое соответствие в переводе обусловлено верной передачей логико-семантической структуры

исходного высказывания, поэтому прагматический компонент значения оригинала как таковой *нельзя назвать инвариантным*.

Стиль также относится к *вариативной составляющей* перевода, и степень его передачи зависит от стратегии переводчика, его мастерства и творческого подхода, а также личного восприятия текста оригинала.

Культурологическое соответствие в переводе *вариативно*, поскольку не существует единственно правильного общепринятого способа передачи культурно-специфической лексики, и каждый переводчик самостоятельно принимает решение о наиболее приемлемом варианте. В случае частичной утраты культурного элемента, возможно добиться эквивалентного перевода при сохранении в контексте фразы *инвариантной семантики* культурно-специфической лексики оригинала, в том числе коннотаций.

Зависимости между направлением перевода (английский-русский/русский-английский) и структурой инварианта и вариативной составляющей перевода выявлено не было.

Заключение

Объектом настоящего исследования являются фрагменты оригинальных художественных произведений на английском и русском языке и их переводов на русский и английский соответственно, содержащие образное описание, которые рассматриваются в работе на *предмет* инвариантной и вариативной составляющих в текстах переводов.

В качестве *единицы анализа* избран стилистически маркированный фрагмент текста – отрезок текста (отрывок предложения, целое предложение либо сверхфразовое единство), характеризующийся определенной доступной для прочтения идеей, а также использованием средств языковой выразительности (тропов и стилистических фигур), делающих авторскую речь образной, наиболее интересной и сложной для перевода, и вследствие этого повышающих вариативность в переводах.

В ходе работы из двух романов и их шести переводов методом целенаправленной выборки были отобраны 254 текстовых фрагмента, содержащих образное описание, которые в настоящем исследовании анализируются с применением *методов* сравнительно-сопоставительного, лексико-семантического и лексико-грамматического анализа, когнитивного метода, метода функционального и прагматического анализа, а также компонентного анализа.

Фрагменты переводов рассматриваются с точки зрения логико-семантического, грамматического, прагматического, стилистического и культурологического соответствия оригиналу с *целью* доказать, что в текстах переводов логико-семантическая структура одинакова, а ее средства выражения варьируются.

В *результате* работы цель исследования была достигнута: анализ отобранных текстовых фрагментов (14 из которых были подробно описаны в работе в качестве иллюстративных примеров) показал, что вне зависимости от направления перевода и языка *инвариантом перевода* является логико-семантическая структура, или содержание сообщения оригинала, а

вариативной составляющей – средства выражения, поверхностные структуры, которые использует каждый переводчик в конкретной коммуникативной ситуации с использованием перевода для передачи смысла.

Для всех рассмотренных текстовых фрагментов *общим* является более или менее полное сохранение инвариантной логико-семантической структуры, причем ее нарушение свидетельствует о смысловом искажении, т. е. неточности перевода, что позволяет сделать заключение о том, что передача инварианта – минимальное условие осуществления успешного перевода.

Сохранение всех прочих характеристик исходного текста или попытку максимально полно их воспроизвести, а именно добиться высокого уровня грамматического, прагматического, стилистического и культурологического соответствия, следует отнести к *вариативной составляющей* перевода, которая определяется такими факторами как: скопос, или цель перевода в зависимости от коммуникативной ситуации; разница между языковыми системами исходного языка и языка перевода; уровень мастерства и творческого потенциала переводчика, его личностное восприятие текста оригинала, предпочтения в выборе тех или иных эквивалентов; условия работы над заказом и др.

Несмотря на достигнутые результаты, настоящее исследование охватывает лишь ограниченный круг лингвистических характеристик и компонентов значения текста оригинала с рассмотрением их передачи в переводе. Вопрос инвариантного и вариативного в переводе предоставляет широкое поле для дальнейшей работы с возможностью сужения темы, например, более детального изучения передачи в переводе конкретных средств языковой выразительности, что намечает перспективу для возможного продолжения разработок в русле инвариантно-вариативной парадигмы.

Список использованной литературы

1. Алексеева И. С. Введение в переводоведение. – Москва, 2004. – 352 с.
2. Алпатов В. М. История лингвистических учений. – Москва, 2005. – 368 с.
3. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. – Москва, 1966. – 608 с.
4. Бархударов Л. С. Язык и перевод. – Москва, 2010. – 240 с.
5. Беловинский Л. В. Изба и хоромы. Из истории русской повседневности// История повседневности. Выпуск 1 – Москва, 2002 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://qps.ru/Xzeta> (дата обращения: 20.04.2017).
6. Вагана Ж. и др. Теоретические основания изучения проблемы языковой вариативности// Научные ведомости. Серия «Гуманитарные науки», № 6 (125). Выпуск 13 – Белгород, 2012. – С. 41-49.
7. Гусаров Д. А., Ершов В. И. Проблема опосредования смысла и сохранения инварианта при переводе// Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания, № 1 – Москва, 2013. – С. 48-52.
8. Демесинова Г. Х. Переводоведение в Болгарии// Вестник ПГУ. Филологическая серия, №2 – Павлодар, 2013. – С. 46-51.
9. Жеребило Т. В. Лингвостилистическая абстракция как метод исследования в общем языкознании. – Магас, 2003. – 270 с.
10. Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов. – Назрань, 2010. – 486 с.
11. Жеребило Т. В. Научная школа инвариантно-вариативной методологии// Science and world № 9 (25). Vol. II, 2015. - С. 15-19.
12. Иванов С. А. Блаженные похабы: Культурная история юродства. – Москва, 2005. – 448 с.

13. Казакова Т. А. Теория перевода (лингвистические аспекты) – СПб, 2001 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://qps.ru/y9BLp> (дата обращения: 10.09.2016).
14. Кобозева И. М. Лингвистическая семантика. – Москва, 2000. – 352 с.
15. Колшанский В. Г. Логика и структура языка. – Москва, 2012. – 240 с.
16. Комиссаров В. Н. Слово о переводе. – Москва, 1973. – 210 с.
17. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). – Москва, 2013. – 253 с.
18. Кутузов А. Б. Частотные характеристики лексики как инвариант перевода (на материале романа К. Воннегута «Бойня номер пять, или Крестовый поход детей»)// Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования, №1, 2010. – С. 175-183.
19. Кушнина Л. В. Взаимодействие языков и культур в переводческом пространстве: гештальт-синергетический подход: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2004. – 32 с.
20. Кушнина Л. В. «Пограничный язык» как особый переводческий феномен// Филологические заметки, №1 – Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, 2010 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://qps.ru/J7dzO> (дата обращения: 30.01.2017).
21. Кушнина Л. В. Основные принципы синергетики перевода// Вестник Удмуртского университета, № 5-4 – Ижевск, 2011. – С. 173-177.
22. Кушнина Л. В. Перевод как синергетическая система// Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология, вып. 3 (15) – Пермь, 2011. – С. 81-86.
23. Кушнина Л.В., Иванова О.А. Синергетическое моделирование переводческого пространства: от межъязыковой эквивалентности к межкультурной гармоничности// Современные проблемы науки и

- образования, № 5. – 2012 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://su0.ru/A0II> (дата обращения: 28.01.2017).
24. Кушнина Л. В., Пылаева Е. М. Экология перевода: современные тенденции и подходы// Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология, вып. 2 (26) – Пермь, 2014. – С. 70-76.
25. Левицкий Р. О принципе функциональной адекватности перевода // Сопоставительно езиковзнание, IX, 3 – София, 1984. – С. 68-77.
26. Липатова В. В., Литвинов А. В. Понятия эквивалентности и адекватности в преподавании перевода в высшей школе на современном этапе// Вестник РУДН, серия Лингвистика, № 4. – Москва, 2011. – С. 105-113.
27. Москальчук Г. Г. Структура текста как синергетический процесс. – Москва, 2003. – 296 с.
28. Мустайоки А. Роли актантов в рамках функционального синтаксиса// Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика. Новая серия, VIII – Тарту, 2003. – С. 116-133.
29. Назмутдинова С. С. Гармония как переводческая категория (на материале русского, английского, французского кинодискурса): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2008. – 21 с.
30. Олейник А. Ю. Проблемные аспекты переводоведения// Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика, № 4 – Москва, 2010. – С. 110-114.
31. Пахомова О. М., Чернышева А. Н. Проблемы вариативности как универсального средства языковой системы// Научные труды КубГТУ, № 6 – Краснодар, 2016. – С. 299-307.
32. Пермяков Г. Л. Основы структурной паремиологии. – Москва, 1988. – 237 с.
33. Перцов Н. В. Инварианты в русском словоизменении. – Москва, 2001. – 280 с.

34. Петрова Е. С. Сложное предложение в английском языке. – СПб, 2002. – 136 С.
35. Пилатова В. Н. Инвариант дискурса и перевод// Материалы XL международной филологической конференции, 14-19 марта 2011 г. Секция: актуальные проблемы переводоведения, СПб, 2011. – С. 118-122.
36. Пропп В. Я. Морфология волшебной сказки. – Москва, 2001. – 192 с.
37. Рахлеев Ф. Ф. Инвариант текстов, описывающих криминальное событие: маг. дисс. – Санкт-Петербургский Государственный университет, СПб, 2015. – 79 с.
38. Реформатский А. А. Введение в языковедение. – Москва, 2004. – 536 с.
39. Сапогова Л. И. Читатель и переводчик. – Тула, 2007. – 276 с.
40. Сдобников В. В. Инвариант перевода: миф или реальность?// Иностранный язык в контексте межкультурной коммуникации: Мат-лы докладов VII Междунар. конф-ции «Иностранные языки в контексте межкультурной коммуникации», 25-27 февраля 2015 г. – Саратов, 2015. – С.197-208.
41. Серль Дж. Классификация иллокутивных актов// Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск XVII. Теория речевых актов – Москва, 1986. – 423 с. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://qps.ru/AMFaC> (дата обращения: 20.04.2017).
42. Солнцев М. В. Язык как системно-структурное образование. – Москва, 1977. – 341 с.
43. Стрелковский Г. М. Теория и практика военного перевода: немецкий язык. – Москва, 1979. – 272 с. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://qps.ru/QiK5M> (дата обращения: 10.09.2016).
44. Третьякова Е. А. Фольклорно-мифологический импликационал художественного текста как проблема перевода (на материале произведений Дж. Р. Р. Толкина): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Санкт-Петербургский Государственный университет, СПб, 2006. – 27 с.

- [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://qps.ru/JArZg> (дата обращения: 22.10.2016).
45. Тюленев С. В. Теория перевода. – Москва, 2004. – 336 с.
 46. Цупикова Е. В. Рассмотрение явления вариативности языкового знака как способа адекватного выражения семантики и прагматики в тексте в курсе семасиологии русского языка// Омский научный вестник, №4 (79) – Омск, 2009. – С. 186-190.
 47. Швейцер А. Д. Перевод и лингвистика. – Москва, 1973. – 280 с.
 48. Швейцер А. Д. Теория перевода: статус, проблемы, аспекты. – Москва, 1988. – 215 с.
 49. Яковлева Н. А., Семенова М. А. К вопросу выбора правильного инварианта перевода. – Тюменский государственный нефтегазовый университет, Тюмень, 2013. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://qps.ru/kf4qb> (дата обращения: 15.09.2016).
 50. Boase-Beier J. A Critical Introduction to Translation Studies. Chennai, 2011. – 187 p.
 51. Catford J. A Linguistic Theory of Translation. Oxford, 1978. – 110 p.
 52. Chesterman A. Skopos theory: a retrospective assessment// Perspektiven auf Kommunikation. Festschrift für Liisa Tittula zum 60. Geburtstag, ed. by Kallmeyer W., Berlin, 2010. – p. 209-225.
 53. Dasgupta S. Tagore's Concept of Translation: A Critical Study// Indian Literature , Vol. 56, № 3 (269), 2012. – p. 132-144.
 54. Devi R., Panda A. The Skopos Theory: A Heterogeneous Approach to Translation// American International Journal of Research in Humanities, Arts and Social Sciences. № 9 (3), 2015. – p. 281-283.
 55. Farahzad F. Plurality in Translation. ERIC, 1999 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://qps.ru/AubT8> (дата обращения: 08.09.2016).
 56. Flynn P. Skopos Theory: An Ethnographic Enquiry// Perspectives: Studies in Translatology, Vol. 12, No. 4, 2004. – p. 270-285.

57. Goriée D. *Semiotics and the Problem of Translation: With Special Reference to the Semiotics of Charles S. Peirce*. Amsterdam, 1994. – 257 p.
58. Hartman R. *Contrastive Textology, Applied Linguistics and Translation// Poetics Today, Vol. 2, № 4, 1981. – p. 111-120.*
59. Hartman R. *Contrastive Textology – Towards a Dynamic Paradigm for Interlingual Lexical Studies?// Language & Communication, Vol. 5, № 2, 1985. – p. 107-110.*
60. Jabir J. *Skopos Theory: Basic Principles and Deficiencies// Journal of the College of Arts. University of Basrah, № 41, 2006. – p. 37-46.*
61. Naudé J. *Stylistic variation in three English translations of the Dead Sea Scrolls// Acta Theologica, Vol. 27, №2 – 2007. – p. 143-167.*
62. Nida E. *Principles of Correspondence// The Translation Studies Reader, ed. by Venuti L., London, 2000. – p. 126-140.*
63. Pym A. *Exploring Translation Theories*. NY, 2014. – 255 p.
64. Reiss K. *Type, Kind and Individuality of Text: Decision Making in Translation// Poetics Today, Vol. 2, №4, Translation Theory and Intercultural Relations, 1981. – p. 121-131.*
65. Schäffner C. *Skopos theory// Routledge Encyclopedia of Translation Studies, ed. by Baker M., London & NY, 2000. – p. 235-238.*
66. Schäffner C. *Evaluation in Translation: Critical Points of Translator Decision-Making// Translation Studies, 6:3, 2013. – p. 355-357.*
67. Toury G. *Translated Literature: System, Norm, Performance. Toward a TT-Oriented Approach to Literary Translation// Poetics Today, Vol. 2, № 4, Translation Theory and Intercultural Relations, 1981. – p. 9-27.*
68. Toury G. *The Nature and Role of Norms in Translation// The Translation Studies Reader, ed. by Venuti L., London, 2000. – p. 198-211.*
69. Venuti L. *The Translator's Invisibility*. NY, 2004. – 353 p.
70. Vermeer H. *Skopos and Commission in Translational Action// The Translation Studies Reader, ed. by Venuti L., London, 2000. – p. 221-232.*

71. Zabalbeascoa P. Awareness in Translation// Language Awareness, Vol. 3, 1994. – p. 161-175.

72. Zabalbeascoa P. Priorities and Restrictions in Translation// Translation and (Re)location of Meaning, № 4, 1999. – p. 159-167.

Список словарей

1. База данных по этимологии и истории слов русского языка, <http://etymolog.ruslang.ru/>
2. Культурология: Словарь. Под ред. А. И. Кравченко. – Москва, 2000. – 671 с.
3. Толковый словарь живого великорусского языка В. И. Даля, <http://slovardalja.net/>
4. Толковый словарь русского языка под ред. С. И. Ожегова, <http://slovarozhegova.ru/>
5. Толковый словарь русского языка под ред. Д. Н. Ушакова, <http://ushakovdictionary.ru/>
6. Электронный словарь Мультитран, <http://www.multitrans.ru/>
7. Longman Dictionary of Contemporary English, <http://www.ldoceonline.com/>
8. Macmillan Dictionary, <http://www.macmillandictionary.com/>
9. Online Etymology Dictionary, <http://www.etymonline.com/>
10. Oxford Dictionary & Thesaurus, <https://en.oxforddictionaries.com/>
11. The Free Dictionary, <http://www.thefreedictionary.com/>
12. Thesaurus.com, <http://thesaurus.com/>

Список источников примеров

1. Достоевский Ф. М. Идиот. – Л., 1987. – 638 С.
2. Скотт В. Айвенго. (Перевод Е. Г. Бекетовой) – Новосибирск, 1955. – 443 С.
3. Скотт В. Айвенго. (Перевод, редакция и послесловие П. Щеголева) – Ленинград, 1936. – 488 С.
4. Скотт В. Айвенго (Ivanhoe). (Перевод В. Д. Владимирова) – С.-Петербург, 1889. – 464 С.
5. Dostoevsky F. The Idiot. (Перевод Алана Майерса, Alan Myers) – Oxford, 2008. – 658 p.
6. Dostoevsky F. The Idiot. (Перевод Констанс Гарнетт, Constance Garnette) – Ware, 2010. – 567 p.
7. Dostoevsky F. The Idiot. (Перевод Игната Эвси, Ignat Avsey) – Richmond, London, 2015. – 689 p.
8. Scott. W. Ivanhoe. Cambridge, Massachusetts, 1913. – 676 p.

Список сокращений

1. ИЯ – исходный язык
2. КСП – коммуникативная ситуация с использованием перевода
3. ЛСВ – лексико-семантический вариант
4. ПЯ – переводящий язык, язык перевода
5. СФЕ – сверхфразовое единство